

ПОНЕДЕЛЬНИК среда

ПЯТНИЦА

НОВАЯ
ГАЗЕТА

№ 92 (3246) 20.08.2021 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ВЛАДИМИР СПИВАКОВ:

«РАВНОДУШИЕ — СТРАШНЫЙ ГРЕХ»

**МАЭСТРО ВЫСТУПИТ
НА ВРУЧЕНИИ ПРЕМИИ ИМЕНИ
АННЫ ПОЛИТКОВСКОЙ «КАМЕРТОН».**

**БОЛЬШОЙ РАЗГОВОР О МУЗЫКЕ,
ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ
И СОСТРАДАНИИ**

страницы 12–14

Талибы, которые уже хозяйничали в Афганистане с 1996 до 2001 года, уверяют, что с тех пор сильно изменились. Когда-то они запрещали женщинам учиться и работать, мужчин заставляли носить шаровары, за кражи наказывали отсечением рук. Сейчас представители движения «Талибан» объявили всеобщую амнистию для госслужащих, сотрудничавших с США, и призвали вернуться на рабочие места всех, включая женщин. Но афганцы ждут, что вернуться прежние порядки. Еще никто ничего не запретил, но на улицах Кабула люди уже ходят в национальных шалвар-камиз. Некоторые работодатели поспешили объявить об увольнении женщин. Между тем талибы уверяют, что готовы всемерно уважать права человека. Правда, с оговоркой: «в рамках ислама». Можно ли верить талибам? Объясняют руководитель департамента востоковедения и африканистики Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге Евгений ЗЕЛЕНЕВ, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН Алексей МАЛАШЕНКО и научный руководитель Института востоковедения, академик РАН Виталий НАУМКИН.

Как «Талибан»* поменяет захваченную страну — рассказывают востоковеды

ИЛИ

«Слушайте, это Афганистан...»

— Какими стали талибы, как изменились — этого пока никто не знает, — говорит **исламовед, научный руководитель Института востоковедения, академик РАН Виталий НАУМКИН.** —

В «Талибанах» нет единства, это не однородная структура. Но это движение религиозное, склонное соблюдать все правила религии в наиболее жесткой форме, основанной на законах шариата. И именно так будет устроена жизнь в государстве, которое они возглавили: если положено вору отрубить руку или женщину забивать камнями за прелюбодеяние, то, наверное, так и будет. Уже понятно, что от идеи строить исламский эмират они не отказываются. То есть государство будет очень архаичным и, конечно, окажет дурное влияние на соседей.

При этом, добавляет Виталий Наумкин, талибы — прагматики. И как-то уступок от них ожидать можно.

— Сегодня «Талибан» — не просто религиозное движение или военная организация, это проект построения национального государства, — замечает востоковед. — Талибы заинтересованы в легитимации, в международном признании, в получении какой-то финансовой помощи, кредитов. Они хотят, чтобы для них открылась международная торговля. Поэтому можно предположить, что среди них есть политическое крыло, склонное вписываться в мировое сообщество.

Алексей МАЛАШЕНКО, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, уверен, что за 25 лет, прошедших после первого завоевания ими Афганистана, талибы не могли не измениться.

— Это новое поколение, они прошли гражданскую войну и много чему научились, — считает востоковед. — Они стали более терпимыми, что бы о них ни писали.

Посмотрите на их лица: это люди с каким-то образованием. И потом, у них более мягкий ислам. Да, они радикалы, они исламисты. Но посмотрите: они взяли Кабул без оружия. Они демонстративно шли без оружия. Есть такая точка зрения, что сделали они это как бы в подражание пророку Мухаммеду, который вернулся в Мекку без оружия. Это такое обращение к образованному мягкому исламу. Талибы пришли не воевать, не убивать. И не считая того, что нам показывали по телевизору — сцен в аэропорту и других эксцессов, — их в общем-то нормально встретили. Если посмотреть другие кадры, толпа на тротуаре просто на них смотрит, а они идут и улыбаются. То есть это не штурм. Это очень важно, потому что в прошлый-то раз они брали Кабул штурмом.

Талибы, считает Алексей Малашенко, и вправду могут соблюдать права человека. Правда, он делает ту же оговорку, что и лидеры движения: это не совсем те же права, какие знаем мы.

— Это все-таки не Финляндия, — замечает востоковед. — Со временем, возможно, появятся какие-то законы, о которых они уже говорят. Но это ислам, а в исламе есть свое понимание прав человека. Да, они говорят: мы за права человека, но — за исламские права человека. Однако решать афганскому обществу, устроит ли это его. А то сначала наши учили афганцев коммунизму, потом американцы — демократии... Слушайте, это Афганистан. Это самая традиционная мусульманская страна.

Тем не менее, продолжает Малашенко, оглядываясь на нормы и требования Запада талибам, видимо, придется, потому что им наверняка понадобятся инвестиции.

* Организация признана террористической и запрещена в РФ.

— Я думаю, что это будут талибы-реформаторы, — полагает он. — Да, будет ислам, много чего будет. Но «Аль-Каида»*, ИГИЛ* — это враги сегодняшних талибов, и эти враги помешают им заниматься социальными и экономическими проблемами. Сотрудничество с признанными террористами будет мешать нормальным отношениям Афганистана с Китаем, с Россией, с Европой, с Турцией. Афганцам надо экономику восстанавливать, поддерживать товарно-денежные отношения. Им не взрывать нужно, а строить. А для этого нужны деньги. Когда в мире увидят, что в Афганистане началось нормальное движение, пойдут инвестиции. Китайцы увидели это первыми, еще при прежнем правительстве, у них есть инвестиции в Афганистане, они готовы и талибов признавать. Так что это будет, я думаю, талибы-строители. Конечно, возникнут эксцессы. Но талибы, которые строят свой Эмират Афганистан, как власть в этом не заинтересованы.

Эмират, халифат, «мировая революция»

— В переводе с пушту «талиб» — «студент медресе», «талибан» — «студенты». Это исламистское движение, говорит

руководитель департамента востоковедения и африканистики Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге, профессор Евгений ЗЕЛЕНЕВ, —

зародилось как исламская обра-

« В ПЕРЕВОДЕ С ПУШТУ «ТАЛИБ» — «СТУДЕНТ МЕДРЕСЕ», «ТАЛИБАН» — «СТУДЕНТЫ». ОТ ИСЛАМСКОГО «ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ДЖИХАДА» ПУТЬ ЛЕЖИТ К ПОСТРОЕНИЮ ХАЛИФАТА

Oleg NIKISHIN / Getty Images

ские справедливость и истину как глобальные ценности, а не применительно к отдельным странам.

Исходя из этого, по мнению Зеленева, трудно ждать каких-то кардинальных перемен в талибах «версии 2.0» по сравнению с талибами образца 1996 года. Как минимум для начала «студенты» наверняка захотят научить «правильному исламу» завоеванную страну.

— Есть такое понятие — реисламизация, — объясняет профессор. — Приходит политическая группа в некую страну и говорит: по исламским меркам ваша страна недостаточно исламская. И проводит процесс реисламизации — возвращения к основам.

Алексей Малашенко не согласен с тем, что талибы будут стремиться непременно к «мировой революции».

— А зачем им это? — интересуется востоковед. — Что они с этой «мировой революции» получат? Что, арабы за ними пойдут? Или иранцы? Где они собираются делать эту «мировую революцию»? В Средней Азии? Они строят Афганский эмират, говорят о национальном афганском государстве. Повторю: речь идет о построении исламского, но национального государства.

Таким образом, совсем не обязательно, что талибы, разобравшись с Афганистаном, пойдут дальше под знаменем джихада.

— Не надо все употреблять слово «джихад», — просит академик Виталий Наумкин. — Само слово означает усердие, усилие человека противостоять грехам, нападкам на религию и так далее. Но джихад может перерасти в войну в том случае, если исламу и его ценностям угрожает опасность. Или если на землю,

Данные о численности населения Афганистана колеблются между 30 и 40 миллионами человек, точные цифры неизвестны. Хотя Национальное статистическое и информационное управление Афганистана (NSIA) в 2019 году опубликовало цифры в 32 миллиона. Востоковеды говорят, что сосчитать народ в этой стране невозможно. Однако само появление в Афганистане такой структуры, как статистическое управление, свидетельствует о том, что при американцах сделано немало. Об этом же говорят и выступления женщин, привыкших, что можно учиться и работать. И не просто так, наверное, афганцы бегут из страны, хоть бы и ухватившись за шасси самолета.

— Бежать хотят, по некоторым данным, 400 тысяч человек, — замечает Алексей Малашенко. — Но кто бежит? Во-первых, люди, работавшие с американцами. Во-вторых — коррупционеры, а их там все прекрасно знают. Ну и бежит какая-то часть интеллигенции, как она бежала из России в 1917-м. Всех этих людей можно понять. А широкие народные массы не бегут, они с большим интересом на все это глядят и надеются, что будет мир.

Широкие народные массы, продолжает востоковед, если не встречают с цветами «Талибан», то и готовность сопротивляться пока не демонстрируют.

— Армия Афганистана — 300 тысяч человек, — объясняет Малашенко. — И еще с прошлой войны известна масса случаев, как эта армия продавала оружие моджахедам. Теперь продает талибам. Эти военные не хотят воевать. Еще со времен СССР есть огромное количество примеров, как они пере-

— Еще до принятия ислама в Афганистане существовали те же племенные ценности, было такое же отношение к женщине, — рассказывает Виталий Наумкин. — Архаичность этого общества связана не с исламом. Наоборот: когда пришел ислам, он смягчил ее, причем не только в Афганистане, но и в других племенных обществах. Не талибы придумали, что девочкам нельзя ходить в школу, а женщинам работать. До принятия ислама, если рождалось слишком много девочек, «лишних» сбрасывали со скалы, потому что столько не было нужно. Ислам с этим боролся. Ислам пришел с более гуманными ценностями, чем те, что господствовали веками в таких племенных структурах. Сломать все это с помощью натовского спецназа невозможно. Да и у Советского Союза это получалось неважно.

Соединенные Штаты стали третьей великой державой, обломившей зубы об Афганистан.

— Первыми туда залезли англичане в XIX веке, 15-тысячный корпус, их всех перебили, — кратко пересказывает историю Алексей Малашенко. — Залезли наши — их оттуда вытурили. И американцы, введя войска в Афганистан, повторили советскую глупость, только не в таких масштабах. Нельзя в такой стране, как Афганистан, пытаться что-то строить под иные ценности. И нельзя наказывать страну за то, что там скрывался бен Ладен. А разве в самих США эта война была популярна? Разведка была против, все прекрасно понимали, что ничего хорошего от этой войны США не получат. Ну победили бы они, предположим, талибов. И что? Все было бы так, как когда-то при советской армии: днем правили коммунисты, ночью — моджахеда. Теперь были бы какие-то учреждения при поддержке американцев днем, а ночью — талибы. Не может цветок вырасти в пустыне. Ни коммунистический, ни американский.

Президент Байден признал, что США наделали много ошибок в Афганистане. За 20 лет американцы поняли, что по-прежнему ничего об этой стране не знают.

— Вы посмотрите: 20 лет в Афганистане сидели «западники» — и какое осталось информационное наследие? — обращает внимание Виталий Наумкин. — Сколько людей там работало? Тысячи. А понять это общество по-настоящему не смогли. Эти люди не ходили в афганское общество, они его боялись. Это очень печальный урок для всех: можно ли менять такую страну извне.

Признав ошибки в Афганистане, президент Байден назвал уход оттуда правильным решением. Вызреть это решение начало еще при президенте Трампе, в 2018 году, а в феврале 2020-го в Дохе США и «Талибан» заключили соглашение, по которому 13 тысяч американских военнослужащих должны были уйти в течение 14 месяцев.

— США просто самоустранились из Афганистана, причем сделали это максимально комфортно для себя и бескровно, — говорит Евгений Зеленев. — Между ними и «Талибаном» было заключено соглашение, по которому талибы не препятствовали выводу войск. И не было никаких эксцессов с посольствами и прочего, американцев не трогали. Армия вышла практически без единого боестолкновения.

Алексей Малашенко считает, что на самом деле вывод войск был для США единственным выходом из ситуации.

— Им ничего больше не оставалось, — говорит Малашенко. — Ну, не принял бы Байден такое решение — там перебили бы американцев. Не надо лезть со своим уставом в чужой монастырь.

Ирина ТУМАКОВА,
спец. корр. «Новой»

СТРОИТЕЛИ?

зовательная модель. От исламского «образовательного джихада» путь лежит к построению халифата, который скоро объединит всех мусульман мира под единым чутким руководством. Говоря другим языком, речь идет об исламской «мировой революции», к которой, по мнению профессора Зеленева, будут стремиться талибы, что бы они сами ни говорили.

— Афганистан для талибов — не финальная цель политической борьбы, — уверен Зеленев. — Дальше «Талибан» должен бросить все ресурсы на победу ислама во всем мире.

Согласно типологии, на которую ссылается Зеленев, прежнее афганское правительство и «Талибан» относятся к двум противоборствующим направлениям в исламе — минималистам и максималистам. Если сравнивать с программой-минимум и программой-максимум у большевиков, то первые согласны на «победу социализма» «в отдельно взятой стране», а вторым надо победить непременно во всем мире.

— В исламском сообществе чрезвычайно обострилась борьба между этими двумя фундаментальными направлениями, — объясняет Зеленев. — И те и другие — глубоко верующие мусульмане. Но минималисты — лояльные государству мусульмане, они говорят, что можно на время допустить, чтобы у власти находились неисламские силы, не надо их уничтожать, можно при них жить и трудиться. Максималисты же настаивают: никакого исламизма «в отдельно взятой стране» быть не может, ислам только тогда победит, когда он победит повсеместно. Прежнее руководство Афганистана считало, что духовные проблемы мусульман надо решать внутри страны. «Талибан» рассматривает ислам-

где живут мусульмане, пришли захватчики. Это сейчас и используют талибы. И это как раз то, чего не поняли американцы. И на чем они погорели.

На чем погорели американцы

Талибы, напомним, контролировали Афганистан с 1996 по 2001 год. После терактов 11 сентября 2001-го Соединенные Штаты ввели туда войска, поводом стало то, что организатор атаки

ходили на сторону моджахедов, потом — талибов. И если считать, что армия — часть народа, так у них армия просто небоеспособна.

Соединенные Штаты занимались «перевоспитанием» Афганистана 20 лет, потратили на это триллион долларов. Не хватило ни времени, ни денег.

— Афганистан — страна исключительно нецентрализованная и плохо управляемая, — объясняет Евгений Зеленев. — Это страна племенная, там огромное этническое разнообразие, огромное лингвистическое разнообразие. Внутри

«**НО ДЖИХАД МОЖЕТ ПЕРЕРАСТАТЬ В ВОЙНУ, ЕСЛИ НА ЗЕМЛЮ, ГДЕ ЖИВУТ МУСУЛЬМАНЕ, ПРИШЛИ ЗАХВАТЧИКИ. ЭТО КАК РАЗ ТО, ЧЕГО НЕ ПОНЯЛИ АМЕРИКАНЦЫ. И НА ЧЕМ ОНИ ПОГОРЕЛИ**»

Усама бен Ладен скрывался в талибской части страны. Началась демократизация Афганистана, там трижды прошли президентские выборы, на последних победил Ашраф Гани. Теперь он покинул страну.

— Значительная часть денег, выделенных Соединенными Штатами, при Гани расхищалась, потому что коррупция зашкаливала, — рассказывает Виталий Наумкин. — Приезжая в Кабул в последние годы, это можно было видеть по огромным виллам и дворцам, выросшим на окраине города.

Страны есть даже цивилизационные различия. Такая страна не может проходить этапы становления как демократическое общество без серьезных изменений внутри. Двадцати лет для этого недостаточно, сколько понадобится времени — неизвестно. Для того чтобы Афганистан стал управляемой страной, надо, чтобы в этом была заинтересована значительная часть общества. А этого нет.

Серьезные перемены в афганском обществе все-таки бывали. Это случилось, например, в VII веке, когда в страну пришел ислам.

AP / EastNews

О БОЕВОМ ИСКУССТВЕ КОЧЕВНИКОВ

Надо ли миру опасаться американских вертолетов в руках талибов?

В связи с захватом на авиабазах поверженной армии правительства Ашрафа Гани огромного количества боевой техники, современных систем вооружения, в том числе боевых вертолетов Black Hawk, западная пресса и парламентарии распространили ряд тревожных комментариев. Суть их сводится к тому, что дорогостоящие вооружения на миллиарды долларов усиливают боевой потенциал вооруженных формирований «Талибан» (организация признана террористической и запрещена в РФ), даже поднимают их боевые качества на принципиально новый уровень. Между тем мы наблюдаем повторение событий, хорошо нам знакомых.

Советская армия оставила режиму Наджибуллы не только танки и ракетные установки, но и авиацию. С авиабаз в Баграме и Шиндане правительственные войска продолжали авианалеты на позиции моджахедов вплоть до падения правительства. И надо сказать, что не только регулярная поставка запчастей и боеприпасов из России сыграла решающую роль. Не менее важно было, что необходимый технический состав прошел в военных заведениях СССР не самую плохую подготовку. На авиабазах были не только летчики, но и авиатехники, инженеры и связисты — вся номенклатура ВВС, без которых полеты невозможны.

Практически сразу после захвата власти и раздела Афганистана моджахедами технически сложные рода войск пришли в упадок и самолеты и вертолеты просто стали объектами пропагандистских фотографий. За один год без присмотра и регламентного обслуживания на складах и в местах базирования вся советская техника превратилась в хлам. Отношение талибов к трофеям будет определяться, как и в прошлом, возможностями. Дроны из Кундуза они смогут запустить и использовать, только если им на помощь придет военные инструкторы из Пакистана, имеющие соответствующий опыт. А в этом есть большие сомнения — «заклятому другу» США в регионе нет смысла провоци-

ровать скандал, ведь Исламабад добьется всех своих целей и без этого. Собственно, уже добился.

Недаром на всех видео с «летающими талибами», гордо выставившими свои флаги в люк, фигурируют советские/российские вертолеты Ми-8 или Ми-17 (модернизация Ми-8 от 1989 года). Это не просто проверенная в афганских горах машина, это уникальное сочетание необходимой для людей с низким базовым образованием простоты управления и надежности.

Поэтому машина, которая летает в местных горах без малого шестьдесят лет, знакома всем летчикам. Они и будут возить «пастухов в галошах», как называют талибов в армиях НАТО и России. До тех пор, пока не иссякнут запчасти, расходные материалы. Или пока не перестанут платить — способность правительства «Талибан» содержать авиацию пока не проверена.

Чего уж говорить о куда более сложных и капризных вертолетах Black Hawk! Они обречены оставаться трофейными артефактами. Еще в марте издание Foreign Policy сообщило, что летчиков и механиков для них подготовить не успели — все обслуживание велось за американские деньги американскими частными компаниями. Такова была политика Пентагона. С июля, по мере вывода персонала из Афганистана, вертолеты Black Hawk один за другим намертво застыли на аэродромах.

Пожалуй, авиация «независимой Ичкерии» Джохара Дудаева (около 200 самолетов) представляла в конкретный исторический момент даже большую угрозу, но была уничтожена без особых проблем. Ми-8 до сих пор возят талибов лишь потому, что пассажиры могут быть

и гражданскими, да и в отношениях с новыми хозяевами страны у ведущих субъектов местной политики пока ясности нет. Если же в будущем какая-либо из армий вдруг посчитает все воздушные цели над Афганистаном враждебными, уничтожить их с дистанции российских, китайских, пакистанских или американских баз в регионе не составит труда. Это будет сделано очень быстро, без участия человека.

Успехи «Талибана» требуют осмысления скорее политического. Ведь его военная организация и возможности давным-давно изучены военными разведками НАТО, России и Китая. Когда глава комитета по иностранным делам палаты общин Великобритании в сердцах назвал НАТО «крупнейшим высокотехнологичным военным альянсом, когда-либо побежденным повстанцами, вооруженными минами, РПГ и АК-47», это было риторическим преувеличением политика, конечно.

Сила «Талибана» в высочайшей мотивации бойцов, не страшась смерти и готовых жертвовать жизнью ради своих идей, в сельской выносливости, природной сметке командиров. В армиях НАТО такие качества давно отошли на второй план. Вынужденное воевать с малообразованными бойцами, знающими горы, как свои пять пальцев, командование талибов пытается обратить недостатки ситуации в преимущества. Вот их важнейшие «достижения».

Значительная часть боевиков при необходимости быстро передвигается по плохим дорогам на дешевых китайских мотоциклах. Джипы и более крупные машины используются, когда есть уверенность, что противник не нанесет уда-

ры с воздуха. Для этого часто применяют передвижения и атаки в ночное время. Конечно, боевики не оснащены индивидуальными приборами ночного видения, как в спецназе России или НАТО, но у командиров они при необходимости есть (качество приборов, правда, не всегда высокое). Мобильность — главный принцип талибов, не в пример правительственным войскам, привязанным к блокпостам и объектам базирования.

Из трофеев ценят и используют в первую очередь современное снайперское оружие. Но сложные электронные комплексы снайперской стрельбы талибам без надобности — нет знаний и навыков для использования. Самое популярное средство разведки последнее время — квадрокоптер Phantom за тысячу долларов.

Предельно простой в освоении и управлении, он стал надежным подспорьем командиров. Дальность связи оператора с его видеокамерой — 2 км. В горных условиях это очень хорошая дальность, она позволяет безопасно осмотреть тропы, места вероятных засад, просто разведать обстановку за горным отрогом или в селении в долине. Прикинуться местным крестьянином на скутере, быстро выдвинуться на десяток-другой километров и запустить дрон — тактов стандартный прием боевиков.

Все элементы тактики талибов — быстрое рассредоточение, отказ от тяжелых артиллерийских систем в пользу легких минометов и ручных гранатометов, маскировка, движение среди гражданского населения, под прикрытием гражданского коммерческого транспорта, распространение слухов — адаптируются к изменяющимся условиям, учитывают новые приемы войны, которые постоянно проверяет на них коалиция НАТО. Они реально научились минимизировать последствия действий авиации средствами пассивной обороны.

Все это — лишь развитие заложенных западными инструкторами элементов партизанской тактики моджахедов, которые разрабатывались для борьбы с 40-й армией СССР. Ныне они обогатились новыми возможностями, но по-прежнему главное — использование знакомой как пять пальцев горной местности со всеми вытекающими последствиями. Талибы, как и ранее, не в состоянии противостоять современной хорошо мотивированной армии, если такая найдется после 20 лет военных усилий США. Мотивация созданных ими местных вооруженных сил оказалась равна нулю.

И «Талибан», и любое другое местное партизанское движение имеет перед потенциальным иностранным противником необозримое стратегическое преимущество — время. У европейских армий оно измеряется бюджетным периодом и имеет границы — терпение политиков и налогоплательщиков. У пуштунов оно измеряется сезонными кочевьями и не имеет никаких ограничений. В районах экстенсивного скотоводства и война экстенсивная, неторопливая, с закрывающимися на зиму перевалами и без особых претензий на немедленный результат.

«Бей и беги» — этот принцип партизан всех времен и народов не слишком подходит для завоевания власти. Власть на Востоке завоевывается моральным превосходством любого розлива, быстрым подкупом, закулисными переговорами и стремительными действиями на решающих направлениях. Что нам и продемонстрировали за последние две недели практически безо всяких военных действий.

Однако в будущем, если на территории Афганистана возникнет противостоящая террористам местная сила, мятежный анклав, бороться с ними будут точно такими же методами. Другого не дано в стране, воины которой сумели превратить нищету, безграмотность и природную смекалку в долгосрочное военное преимущество.

Валерий ШИРЯЕВ,
«Новая»

**СИЛА «ТАЛИБАНА» В ВЫСОЧАЙШЕЙ
МОТИВАЦИИ БОЙЦОВ, НЕ СТРАШАЩИХСЯ
СМЕРТИ И ГОТОВЫХ ЖЕРТВОВАТЬ
ЖИЗНЬЮ РАДИ СВОИХ ИДЕЙ**

Александр ГЕНИС
обозреватель
«Новой»

ПРОГРЕССОРЫ

Афганский синдром

1.

Когда началась эта афганская война, мы с Андреем Загданским снимали эпизод для телефильма в самом тихом месте Америки — на озере Уолден, где жил отшельником мой любимый писатель Генри Торо. Тем большим оказался контраст, когда по телевизору объявили о начале военных действий.

— Почему, — с горечью сказал Андрей, — мне всегда приходится жить в стране, которая воюет с Афганистаном?

Я уехал раньше и о советской войне судил издали и с отвращением. Теперь пришла пора Америки. Она ее приняла с легкой душой, потому что Талибан (*группировка признана террористической и запрещена в РФ — Ред.*) был бесспорной мишенью, обещал легкую победу и благодарность страны, которой запрещали смотреть кино, играть в футбол и пускать женщин на улицу без сопровождения родственника. Тем более что после шока 11 сентября война — какая-нибудь и с кем-нибудь — казалась совершенно необходимой. Кто-то должен был отвечать за воронку в Манхэттене, которая все еще дымилась. Впрочем, уже тогда было не совсем ясно, как наказывать виновных с помощью оккупации целой страны. Но никто особенно не задавался лишними вопросами — Буш выбрал правильного противника. Талибы тогда, как и сейчас, внушали страх, омерзение и удивление — словно марсиане из «Войны миров» Уэллса. С ними тоже нельзя было договориться.

Промахи младшего Буша начались с терминов. Сперва он назвал афганскую эскападу «крестовым походом». Это было примерно так же умно, как дать кодовое название миротворческой операции «Варфоломеевская ночь». Вторая ошибка оказалась столь долгоиграющей, что за ее последствия Америка раслачивается и сегодня. Отправив войска в Афганистан, президент открыл «войну с террором». Расплывчатость формулировки до сих пор порождает множество так и нерешенных вопросов. Строго говоря, сражаться с террором — как воевать с танками, то есть путать оружие с противниками, средство — с целью, причину — со следствием. Еще хуже, что такая война по определению — с открытым концом. Она может либо завершиться лукавым провозглашением победы, что делали все президенты, либо не кончиться никогда, потому что противника нельзя истребить, подчинить, а главное — найти.

Лингвистическая ловушка захлопнулась окончательно, когда американцы победили талибов и получили от них в наследство страну, с которой не знали, что делать. Следующие двадцать лет ушло на то, чтобы разрешить эту загадку. О том, что это не удалось, свидетельствует провал всего афганского проекта, за которым одна часть мира наблюдает с ужасом, другая — со злорадством, третья — с отчаянием, многие, как я, — с обидой и недоумением, ибо Америка хотела только хорошего.

2.

Честертон, любивший парадоксы, оборачивающиеся трюизмами, предсказал последствия революции.

«Напрасно вы думаете, — сказал он, — что первыми жертвами восставших масс станут фабриканты, банкиры и прочие толстосумы. Раньше всех расправятся с филантропами».

Бедные не любят богатых всегда, но особенно тогда, когда они им помогают.

Благотворительность чревата высокомерием подающей стороны и завистью — принимающей. Еще школьником я выписал из Джека Лондона душещипательную максиму: «Милосердие — это не кость, брошенная собаке, а кость, разделенная с ней, когда ты не менее голоден».

Филантроп — фигура темная. Бедным его мотивы кажутся туманными и подозрительными. Раз дает — значит, замаливает грехи или рассчитывает их прумножить своими хитроумными путями, недоступными честным нищим.

«НИКАКАЯ СВОБОДА И ДЕМОКРАТИЯ НЕ НУЖНЫ АФГАНСКОМУ КРЕСТЬЯНИНУ, ЕСЛИ ЕГО ДОЧЬ НАКРАСИТ ГУБЫ»

В голодные 90-е годы умирающим толстым журналам помогал Фонд Сороса (*организация, признанная нежелательной в РФ — Ред.*). На его деньги журналы отпечатались в провинциальные библиотеки, обнищавшие не меньше своих абонентов. Русским писателям следовало бы поставить Соросу памятник, но вместо этого Солженицын обвинил филантропа в работе на западную разведку.

«Помогая живущим на копейки русским ученым, — объяснил Александр Исаевич, — он выяснял, в каких областях отечественная наука отстает от конкурентов и противников».

В эту чушь легче поверить, если вспомнить, что самый богатый человек в мире перестал им быть, потому что с бешеной интенсивностью раздавал свои капиталы. Не вопреки этому, а именно

поэтому идиоты всех стран и народов верят, что Билл Гейтс с помощью вакцины «чипирует» население со своим коварными, непонятными, но, бесспорно, зловещими целями. Филантроп ведь не может не иметь тайных намерений, потому что бедные мечтают поменяться с ним не местами, а доходами, которыми они бы распорядились куда умнее — одни золотые унитаза многого стоят.

Добро без корысти внушает не благодарность, а ненависть. И лучше всех об этом написали кумиры моей юности братья Стругацкие. Когда стало ясно, что в Афганистане американцев встречают не хлебом с солью, я набрался смелости и позвонил в Питер Борису Стругацкому.

— Можно ли считать, — спросил я, — что вы предсказали ситуацию на Востоке, где американскую армию встречают как прогрессоров в повести «Трудно быть богом»?

— Считайте что хотите, — буркнул Борис Натанович, и я понял, что не первый задаю ему этот вопрос. Тем более что ответ легко найти самому в книге: «Я нес добро, и — Господи! — как они меня ненавидели. Потому что боги пришли, не спрашивая разрешения. Никто их не звал, а они вперлись и принялись творить добро».

3.

Ошибка Америки коренится в ее главном достижении. Она обожествила тот век, когда создала себе страну из конституции, не зря ставшей самой старой в мире. Американцы застыли в XVIII столетии. Пропустив романтизм с его культом национальной обособленности и суверенной приверженности к мифу «крови и почвы», Новый Свет до сих пор разделяет универсальные принципы Просвещения, которые, как Пифагоровы штаны, подходят всем без исключения.

«Пойми, — говорил мне босс и товарищ, — Америка стала домом для всех, потому что все хотят одного и того же: достатка, своей крыши, будущего для детей и мира для себя. И достичь этого можно только с помощью свободы и демократии».

С этим спорить трудно и не хочется, но это не так. Даже Америка не разделяет общие ценности, когда они не всех устраивают. Как выяснилось 6 января, для половины страны демократия ничего не стоит, если она привела к власти не того президента, которого ей хотелось. И свобода не так уж дорога, если она позволяет считать бандитов «патриотами».

С Афганистаном все хуже. Двадцать лет Америка строила лестницу, которая позволила бы ему перебраться через стену, ограждающую страну от цивилизации. Казалось бы, все шло как по нотам. Девочки ходили в школу, девушки — в университеты, женщины — на работу, народ — к избирательным урнам. Даже сокровища афганской истории вернулись в музеи. Но то, что мы считали безусловным благом, не было таковым для всех.

«Никакая свобода и демократия, — сказал мне вернувшийся оттуда солдат, — не нужны афганскому крестьянину, если его дочь покрасит губы».

Америка обманывалась, рассказывая себе и другим, что знает секрет счастья, думая, что несет его с собой, и считая, что всем нравится жизнь, устоявшаяся — худо-бедно, но уж точно лучше, чем при талибах — за долгие 20 лет. Поэтому все эти годы единственная задача американской армии состояла в том, чтобы научить Афганистан охранять себя.

«Но учить воевать афганцев, победивших две империи, — написал специалист по Востоку колумнист «Нью-Йорк таймс» Томас Фридман, — так же нелепо, как обучать полинезийцев ловить рыбу».

Армия в 300 тысяч, снаряженная лучшим американским оружием, исчезла мгновенно и неизвестно куда. Американцев ждал трагический сюрприз: плохие свои лучше хороших чужих. И все, что строила в Афганистане Америка, нужно было не всем, а немногим. В первую очередь — самим американцам, которые слишком долго верили, что люди в мире одинаковые, хотя одного и готовы договориться.

Сегодня мы выяснили, что лестница была приставлена не к той стене.

ВАШЕ МЕСТО ВОЗЛЕ ДОНАТОВ!

Есть ли способы безопасно жертвовать деньги сторонникам Навального? Эксперты их не видят

Бывший Фонд борьбы с коррупцией (ФБК), признанный в России экстремистской организацией и поэтому ликвидированный, запустил для своих сторонников сбор пожертвований с помощью платежной системы Stripe. Команда Навального утверждает, что это безопасно для доноров: отправителя платежа невозможно определить. «Новая» спросила экспертов, так ли это.

В начале июля суд признал ФБК экстремистской организацией, потребовал ликвидировать и запретил ее деятельность на территории России. Статус экстремистской организации потенциально ставит под угрозу как бывших сотрудников фонда, так и обычных жертвователей: за финансирование деятельности организации, признанной на территории России экстремистской, может грозить штраф от 300 до 800 тысяч рублей, принудительные работы или лишение свободы на срок до 8 лет.

Для ФБК пожертвования были основным источником средств, без них работу организации пришлось бы приостановить. За день до решения суда, 8 июля, в своих социальных сетях Фонд призвал людей перейти на криптовалюты, потому что российские власти будут сложнее их отследить. Однако ФБК в России поддерживали деньгами тысячи людей, и переход на криптовалюту для всех вряд ли возможен — у обычных пользователей нет опыта работы с этими финансовыми инструментами.

5 августа команда Навального запустила на своем сайте новую форму для сбора анонимных пожертвований через Stripe — систему международных онлайн-платежей в нескольких валютах. Сторонники Навального утверждают, что использование Stripe безопасно для пользователей, а российские власти развязали им руки для того, чтобы заниматься еще более широкой кампанией по сбору средств.

На сайте говорится, что команда Навального не признана экстремистской организацией (в отличие от бывшего ФБК), но исключить возможное преследование доноров со стороны Следственного комитета нельзя. Поэтому сайт рекомендует не пользоваться для оплаты россий-

ским PayPal, находящимся под контролем Росфинмониторинга, не публиковать информацию о пожертвованиях в соцсетях и в качестве предпочтительного способа оплаты использовать криптовалюту.

Пользователи заметили, что в день запуска новой системы пожертвований адрес сайта ФБК высвечивался в описании перевода. Это позволило бы властям определить и отправителя, и получателя платежа. Команда Навального написала в своем телеграм-канале, что об ошибке сразу сообщили представителям Stripe, ее исправили, и больше она не будет повторяться. В том же посте сказано, что перед запуском сервис тестировали месяц. «Новая» поговорила с экспертами о том, безопасно ли сейчас жертвовать деньги ФБК с помощью Stripe.

По мнению журналиста Сергея Голубицкого, работающего с рынком криптовалют, Stripe не передаст данные по платежам российским властям. «Stripe официально не работает с Россией и не имеет права работать, — говорит эксперт. — Но для пользователей сотрудничать с сервисами, не признающими вашу юрисдикцию, неприятно. Платеж с банковской карты может пройти, а может не пройти. Деньги могут конфисковать».

В то же время российские власти имеют возможность запросить информацию о переводах у иностранных банков, так как Россия входит в FATF («Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег»). Так что переводить деньги с российских банковских карт всегда небезопасно.

Представители команды Навального считают, что эти опасения необоснованны. «Невозможно использовать FATF в целях политического преследования, — комментирует Руслан Шаведдинов. —

Не было прецедентов, когда Stripe передавал данные о платежах российским властям. Шансы, что это сделают европейские или американские банки, равны нулю. Нам о таких случаях неизвестно».

Голубицкий уверен, что российские банки могут отследить, в какой банк ушли деньги, и передать эту информацию по запросу властей: «Товарищ майор пожертвует деньги ФБК, увидит реквизиты и запросит у банков все пожертвования, ушедшие из России на нужный счет».

В команде Навального считают, что это не произойдет. «Сервис настроен таким образом, что российский банк не видит конечного получателя платежа», — говорит Леонид Волков.

Определить отправителя платежа можно и другими способами. Как объясняет Владислав Здольников, основатель Red Shield VPN, у каждого платежа есть так называемые уникальные идентификаторы — merchant id и terminal id: «Банк не показывает эти идентификаторы в описании платежей, но они существуют и видны российским властям. С их помощью можно отследить, куда направлен платеж». По словам Здольникова, чтобы определить все платежи ФБК, также достаточно слова «Thanks» в описании платежа вместе с кодом платежа НКО. Нужно всего лишь

найти все платежи, подписанные единственным словом «Thanks», чтобы доноры оказались под подозрением. «Вы не найдете сейчас другой сервис, который в описание вставил бы только это слово, — поясняет эксперт. — Можно несколько раз поменять описание вручную. Через пару таких действий Stripe посчитает их подозрительными».

Директор «Общества защиты интернета» Михаил Климарев напоминает, что банковская система создавалась сотни лет назад именно для передачи информации от человека к человеку: «Не денег — информации. Поэтому полностью анонимные платежи в банковской системе невозможны».

По словам Климарева, безопасным способом пожертвований остается криптовалюты. При этом важно не публиковать номер своего кошелька. Здольников считает, что переводы в криптовалюте безопаснее, чем платежи с карты, но их тоже можно отследить: «Биткоин не анонимен. Он работает на базе блокчейна, а блокчейн, если переводить на русский дословно, — это книга транзакций, которая доступна всем людям на земле».

Сейчас ФБК принимает платежи криптовалютой только в биткоинах. Также фонд советует сторонникам пользоваться биржей Binance, что тоже вызывает у экспертов вопросы. «Binance — централизованная биржа. Она подчиняется как международному банковскому законодательству, так и законам отдельных стран, на территории которых работает, — говорит Голубицкий. — В последние четыре месяца у Binance проблемы с законодательством многих стран, потому что это самая крупная биржа в мире, и конкуренты прилагают все усилия, чтобы усложнить Binance жизнь. В Англии или в Малайзии всем банкам запрещено сотрудничать с Binance. В России у этой биржи все замечательно. Как вы думаете, как себя поведет Binance в ситуации, когда его обложили со всех сторон, а в российской юрисдикции много клиентов, и российские власти просят выдать какие-то данные?»

Комментируя утечку данных жертвователей ФБК, эксперты упоминают еще два возможных способа обезопасить сторонников Навального. Первый — жертвовать деньги через посредника, у которого есть иностранный счет, находящийся вне зоны контроля Росфинмониторинга. Второй — пропустить платежи через иностранный сервис, который принимает пожертвования. Например, Patreon. В таком случае российские банки будут знать только реквизиты сервиса, а реквизиты конечного получателя иностранная компания не сообщит.

«Чтобы обезопасить наших жертвователей, мы будем запускать новые платежные сервисы и опции. Но и переводы через Stripe сейчас безопасны», — комментирует Леонид Волков.

В апреле этого года хакеры выложили в сеть базу участников митинга «Свободу Навальному». Команда Навального подтвердила ее подлинность и извинилась за утечку. Текстовый файл содержал 529,5 тысячи строк с адресами электронных почт и дат. В июне в интернете появилась в продаже база подписчиков «Умного голосования». В ней есть все данные о человеке, вплоть до номера его квартиры.

Вечером 17 августа сотрудники полиции начали приходить к людям, чьи персональные данные были в базах «Умного голосования» или митинга «Свободу Навальному», а также к тем, кто переводил деньги ФБК. Полицейские требуют объяснений о пожертвованиях, но не сообщают, откуда о них известно. Как сообщает «ОВД-инфо», днем 19 августа они успели опросить как минимум 303 человек.

По неподтвержденной информации, 19 августа в сети появилась еще одна рекордная утечка базы «Умного голосования» — на этот раз речь якобы идет о данных 2,1 млн граждан.

Елизавета ШАПАТИНА — специально для «Новой»

« В СЕТИ ПОЯВИЛАСЬ ЕЩЕ ОДНА УТЕЧКА БАЗЫ «УМНОГО ГОЛОСОВАНИЯ» С ДАННЫМИ 2,1 МЛН ГРАЖДАН

Чень Дэ плохо слышит и почти всегда молчит. Как у человека, отвыкшего говорить, голос у нее сиплый, и редкие слова срываются неожиданно громко. «Надо жевать много раз... Кто медленно кушает, тот долго живет», — произносит она, протягивая мне яблоко. До этого Чень Дэ молчала часа два. Все это время мы, сидя бок о бок, переписывались. Я задавала вопросы, она отвечала, медленно выводя букву за буквой аккуратным, красивым почерком на русском языке.

Чень Дэ китаянка. В приют Мальтийской службы помощи бездомным она попала по направлению Центра учета лиц без определенного места жительства. Когда полиция в очередной раз разогнала торговцев у Балтийского вокзала, сбывавших шнурки, дешевые фонарики и прочую мелочь, они задержали крохотную пожилую женщину, почти глухую, без документов, о которой никто толком ничего не мог сказать. В центре сумели добиться, как ее зовут, и написали запрос в консульство Китая. Но ответа не получили. Было это почти три года назад. С тех пор Чень Дэ так и живет в узкой комнате, заваленной ее тюками, в домике рядом с армейской палаткой Мальтийской службы.

Когда тепло, Чень Дэ сидит на лавочке за низеньким столиком у кирпичной стены, рядом с распахнутыми воротами, смотрит на улицу, где изредка проезжают машины, и жмурится на солнце. Это лето выдалось хорошим — столько света, что огромную соломенную шляпу приходилось надвигать на глаза. Чень Дэ выбрала ее, когда в приюте раздавали одежду. Шляпа, конечно, не такой формы, как традиционные китайские, но немножко их напоминает. В синем платье до пят и с белым бантом, приколотым булавкой, Чень Дэ похожа то ли на картину в стиле гунби (традиционный стиль китайской живописи, в переводе означает «тщательная кисть»), то ли на героиню мультфильма.

На вопрос, где она так хорошо выучила русский язык, китаянка старательно выводит на белом листке (*орфография и пунктуация сохранены*):

— Это уже история. Я 30 лет в России и родном городе С-Петербурге без дома и одиночка.

По словам Чень Дэ, она родилась в Шанхае 1 июля 1942 года, жила в провинции Цзянсу в городе Нанкин, дважды была замужем, оба раза неудачно. В Китае осталась ее дочь Лю Дзинь, родившаяся 28 марта 1970 года, которую она не видела больше 30 лет. Чень Дэ помнит, что дочь работала в Нанкинском университете.

— Почему вы не пытались связаться с дочерью?

— Потому что у меня много болезней не хотела, что свою боль на родной.

Она пишет, что ее отец руководил пединститутом и был убит в 1968 году «в известной всему миру страшной китайской культурной революции». (*Политическая репрессивная кампания, организованная лидером компартии Мао Цзэдуном против чиновничества и интеллигенции.* — Ред.)

Тут она начинает плакать, очень тихо, аккуратно вытирая лицо белой тряпочкой, которая только что была бантом на синем платье. Я обнимаю ее, глажу по спине и плечам, а она продолжает всхлипывать и писать маленькой коричневой морщинистой рукой.

Мать Чень Дэ работала в типографии. В семье было трое детей. Она помнит, что брат после университета работал в управлении культуры, а сестра — редактором газеты.

История, как Чень Дэ оказалась в России, туманна. В 1994 году, будучи директором какой-то фирмы, по всей видимости, торговавшей с Россией, Чень Дэ приехала в Читу. Там ее обманули — китаянка лишилась денег и документов и не смогла вернуться домой. «Добрые люди помогли ездил в Иркутск», где ра-

«ОДНА ДЕВЧОНКА ТРИДЦАТЬ ЛЕТ В РОССИИ»

*Увидав многоцветный простор пред собою,
Что теряется где-то во мгле,
Задаешься вопросом: кто правит судьбою
Всех живых на бескрайной земле?
(Из стихотворения «Чанша» Мао Цзэдуна
в переводе Самуила Маршак)*

ботала в совхозе декоративных культур. Вместе с одной знакомой в 1995 году приехала в Петербург. Женщина эта потом умерла, и китаянка оказалась без крыши над головой. Работала нелегально «в ресторанах ночью», жила на улице.

Потерю слуха Чень Дэ объясняет «ударом». В прямом ли или в переносном смысле был этот удар — непонятно, но ясно, что ударов судьбы она испытала немало. Когда убили отца, когда тяжело болел и чуть не умер брат, когда обворовали в Чите. В 2018 году ее сбила машина, и она мыкалась по больницам (причем помнит и правильно написала все три больницы, где лечилась). Теперь Чень Дэ чувствует себя очень больной: давление, проблемы с сердцем, легкими, почками, опухают колени, ноги кровоточат.

Из пакета, который лежит на скамейке, китаянка время от времени достает газету. Читает ее, бережно складывает, убирает и снова замирает — греется на солнце. На вопрос, какие книги любит и не принести ли ей что-то почитать,

отвечает, что книг не хочет — статей в бесплатной газете ей достаточно.

Любимым китайским поэтом называет Мао Цзэдуна и говорит, что всех классиков позабыла.

— Он не только великий вождь, но и увлекательный поэт, у него много стихотворений я могу наизусть и раньше, и теперь.

В гибели отца во время культурной революции Чень Дэ винит не Мао, а его «страшную жену, которая была в тюрьме и умерла». (*Действительно, одним из идеологов культурной революции считается*

последняя жена великого кормчего — Мао Цзян Цин, повесившаяся на следующий день после выхода из пекинской тюрьмы в мае 1991 года. — Авт.)

— Вам трудно жить в приюте?

— Теперь я чувствую очень счастливо и спокойно.

Чень Дэ говорит, что пишет книгу. У нее уже есть название — «Одна девчонка тридцать лет в России». Когда ее издадут, уверена китаянка, то переведут на многие языки. Книгу эту, правда, никто не видел и, скорее всего, не увидит. Но это не мешает китаянке жить мечтой о моменте, когда она расскажет всему миру историю своей жизни.

На пальце у Чень Дэ простенькое колечко из дешевого металла. На нем выгравировано: «Помилуй боже меня грешного». Это подарок неизвестной женщины из церкви, здесь, в Петербурге. Раньше, когда ноги не так болели, китаянка ходила в православный храм и просила за далеких и потерянных родных. Молилась как умела, потому что христианскую веру никогда не принимала.

Сейчас она почти никуда не ходит и молиться может только тут, сидя на лавочке. Жалуеться, что стало плохо с памятью, забывает слова — и по-русски, и по-китайски. Молится Чень Дэ на китайском, как и думает, хоть и прожила тридцать лет в России.

Галина АРТЕМЕНКО

фото Елены ЛУКЬЯНОВОЙ

Сбербанк добивается банкротства частной компании в Ленинградской области, ее владельцы видят здесь интересы конкретных лиц

ВАМ ЛУЧШЕ НЕ БОРОТЬСЯ

РОМАН ЯРОВИЦЫН / «КОММЕРСАНТЪ»

Тринадцатый Арбитражный суд в Петербурге принял решение продолжить процедуру банкротства компании «Райф Сити», задолжавшей деньги по кредиту Сбербанку. Представитель фирмы Карен Арустамян утверждает, что банк, выступивший инициатором банкротства, мешал заемщикам платить в срок и таким образом, по его мнению, создал предпосылки для будущего банкротства.

«Кредит в Сбербанке брал мой отец в 2018 году, — рассказывает Карен Арустамян. — Деньги нужны были на выкуп коммерческого здания во Всеволожске. Недвижимость долгое время находилась в аренде у фирмы моего отца «Райф Сити». К тому времени ему был уже 71 год, он хотел отойти от дел. Но перед этим думал обеспечить будущее внуков. Стоимость здания составляла 137,6 миллиона рублей. 48,8 миллиона отец предоставлял из своих средств, на остальное брал кредит сроком на десять лет».

К тому времени другая фирма — «Вест», принадлежавшая самому Карену, а впоследствии и он сам были признаны банкротами. В результате распродажи имущества семья лишилась квартиры, загородного дома, счетов в банке, автомобилей.

«Фирма «Вест» была учреждена в начале 2000-х, — продолжает Карен. — Мы выпускали кондитерские изделия. У нас были парк машин и налаженные логистические цепочки, позволявшие доставлять товар в Петербург и область, Псков, Новгород и Карелию. До 2015 года компания имела идеальную кредитную историю — более 30 вовремя погашенных займов, успешно развивалась, находила новые рынки сбыта, мы расширяли производство. К 2015 году у нас работало 60 человек. Ежегодный оборот достигал 100 млн рублей. Чистая прибыль после уплаты всех налогов, заработной платы, накладных расходов и прочего составляла 6–8 млн в год. Для малого бизнеса это хороший доход. Но после введения российских контрсанкций на ввоз продуктов все изменилось».

Цены на некоторые продукты, отмечает предприниматель, выросли на 30–40%, и для того, чтобы бизнес оставался рентабельным, надо было повышать стоимость продукции.

«Нашим основным покупателем была сеть магазинов «Магнит», — говорит Карен. — Они заняли жесткую позицию: повышение цен — не больше 10%, иначе расторгают договор. Крупные поставщики могли продавать свои цены. Малый бизнес не может так диктовать условия, но и терять крупного заказчика для нас непозволительно. Какое-то время мы выкручивались, работая себе в убыток. Надеялись на обещанную государством поддержку. Но так и не дождалась».

В итоге фирма «Вест» задолжала банкам около 30 млн рублей. Была инициирована процедура банкротства. Бизнес стал нерентабельным, и речь шла лишь о том, чтобы расплатиться с долгами перед банками.

Поручительство

Имущество фирмы «Вест» было продано конкурсным управляющим за бесценок — меньше чем за половину рыночной стоимости. На погашение долга вырученных денег не хватило, фирма была ликвидирована. Основным кредитор, Сбербанк, инициировал процедуру банкротства владельца как физлица.

«Я шел навстречу банкирам, выполнял все требования, чтобы закрыть долг, — жалуется Карен. — Но дом во Всеволожске — три этажа, общая площадь 261 квадратный метр — ушел за 4,5 млн рублей, хотя его рыночная стоимость составляла около 18 млн. Вместе с домом забрали квартиру».

После этого на Арустамяне-младшем оставался долг 14 миллионов. Задолженность числилась за ним как за физлицом, которое готовилось объявить себя банкротом. Это означало, что 14 миллионов банк вряд ли получит.

В этот момент Арустамян-старший собрался брать кредит в Сбербанке. Сын, как он сам говорит, советовал не делать этого, но отец хотел сделать подарок внукам. Кредитная история у Валерия Арустамяна была положительной, и кредит ему одобрили. Первый транш в размере 69 млн рублей поступил на счет продавца здания. Оставалось перевести 19,9 млн, чтобы завершить сделку. Но представители банка поставили условие: поручителем по кредиту должен стать Карен. Иначе якобы деньги на счет переведены не будут.

«Я находился в процессе банкротства, а как банкрот может выступать поручителем? — говорит Карен. — Отца заверили, что мера временная, а скоро, уже в ноябре 2018-го, поручительство с меня будет снято».

Арустамяну-старшему пришлось приостановить сделку по покупке здания, за которое он уже заплатил 118 миллионов.

Тогда Арустамян-сын, который отказывался подписывать поручительство, махнул рукой и подписал его, но с тех пор стал приходить на все встречи с диктофоном.

Вместе с поручительством Арустамянам пришлось подписать ипотечный договор. Документ давал банку право в случае нарушения графика платежей отобрать залоговое имущество — покупателю недвижимость — без суда и реализовывать ее без торгов и аукционов, по цене, которую сам банк и назначит.

«В мае ко мне обратился некто Игнатъев, — рассказывает Карен. — Некоторое время я считал его сотрудником банка, потому что он был осведомлен обо всех деталях взаимоотношений между «Райф Сити» и Сбербанком. Лишь через несколько недель я понял, что в Сбербанке он не работает, но является чьим-то доверенным лицом. Он заявил, что действует по поручению руководства головного отделения Сбербанка по Ленинградской области, а оно, руководство, по его словам, требует еще 2% от суммы долга (1,7 млн рублей). Я убедил отца отказаться, и на некоторое время все затихло. В ноябре 2018-го, когда, как обещали представители банка, должно было закончиться действие договора о поручительстве, вместо этого банк заблокировал счета нашей компании».

Удалось добиться разблокировки счетов «Райф Сити». Компания смогла работать, получая доход от арендаторов. Однако оставалось поручительство: его с Карена банк так и не снял.

Смерть как форс-мажор

Наступил 2019 год. В феврале отец и сын вдруг узнали, что в арбитражный суд в Москве подан иск от некоего ИП Игнатъев. Заявитель ходатайствовал о взыскании с Арустамянов «1,7 млн рублей и неустойки по договору об оказании

консультативных услуг по предоставлению кредита». Арустамяны добились перевода слушаний в Петербург и смогли увидеть документы, представленные истцом.

«Договор, который Игнатъев представил в суд, носил признаки подделки, — возмущается Карен. — Мы подали ходатайство о проведении экспертизы. Суд ее назначил только через полтора года, и эксперты сделали вывод, что «возможна вероятность подражания». Но что значит «возможна», если никто из нас тот договор не подписывал. А в имеющихся у меня аудиозаписях разговоров с Игнатъевым тот прямо говорит о 2% отката от суммы кредита. Подписи и оттиски печатей очень похожи на оригиналы, что может свидетельствовать, что договор готовили люди, имевшие в руках образцы оттисков. Кроме истории с банком, никаких пересечений у нашей фирмы с каким-то ИП Игнатъев не было».

Решение о передаче иска в Петербург было вынесено 1 марта 2019 года. А через неделю, 7 марта, Валерий Арустамян скоропостижно скончался. У него остановилось сердце прямо во время деловых переговоров. Трудно сказать, повлияло ли на здоровье Арустамяна-старшего происходящее вокруг его последнего кредита. Но противостояние с банком явно не добавило ему здоровья.

До вступления жены Валерия Арустамяна в права наследования (до сентября 2019 года) счета «Райф Сити» были заморожены. Собирали арендную плату, платили ежемесячные кредитные взносы и вообще функционировать фирма не могла.

В течение трех месяцев Карену удавалось делать так, чтобы платежи по кредиту все-таки поступали в банк. В июле вдова Арустамяна-старшего обратилась в банк с просьбой до вступления в права наследников снизить сумму платежей за ближайшие три месяца в связи с форс-мажорными обстоятельствами — смертью

громкое дело

основного учредителя и шестимесячной задержкой активной деятельности. Через десять дней из банка пришел ответ: весь кредит с процентами — а это 85 миллионов рублей — заемщикам надлежало погасить немедленно — в пятидневный срок.

«Мы нашли деньги на очередной взнос, — продолжает Карен. — Получили официальное письмо об отсутствии задолженности по ежемесячным выплатам. Но головное отделение по Ленобласти начало процедуру банкротства компании на том основании, что не было выполнено их условие: полное погашение задолженности в пятидневный срок. Мы пытались добиться через суды отмены банкротства, но безуспешно».

Семья Арустамянов нашла банк, готовый рефинансировать их долг. Для этого требовалось сначала добиться мирового соглашения с кредитором. Тогда Сбербанк получил бы свои деньги, и на этом все могло кончиться».

«Мы принесли в суд поручительство от нового банка, — рассказывает Карен. — Но представители Сбербанка отказались его рассматривать». «В текущей ситуации заключить мировое соглашение с компанией ООО «Райф Сити» не представляется возможным, дальнейшая работа с задолженностью планируется в направлении взыскания в судебном порядке...» — ответил банк.

Отдай все и спи спокойно

В ноябре 2020 года на очередной встрече с представителями Сбербанка Карен Арустамян записал на диктофон: как следует из аудиозаписи менеджер предлагает ему не бороться за купленное отцом здание, а передать объект недвижимости банку.

«Это означало бы, что мы просто подарим кому-то 50 миллионов рублей, заплаченных за здание не из кредитных, а из собственных средств, — возмущается Арустамян-младший. — Я написал письмо в ФСБ РФ, приложив собранные мною аудиозаписи. Все, что я получил, это ответ, что мое обращение зарегистрировано. Если проверка законности действий менеджеров банка и проводилась, то мне об этом ничего не известно».

«Новая» обратилась с официальным запросом в головное отделение Сбербанка по Ленобласти. На вопросы — каким образом физическое лицо на стадии банкротства могло стать поручителем по кредиту; на каком основании менялся ипотечный договор; почему банк отказывается от рефинансирования долга; почему не рассматривалась возможность мирового соглашения — мы получили лаконичный ответ: «Никаких комментариев не будет!»

К началу 2021 года Арустамян нашел стороннюю фирму, которая была готова выкупить оставшийся по кредитному договору долг перед банком. Но на это предложение Сбербанк ответил категорическим отказом.

Тогда бизнесмен принес предложение о выкупе долга в суд. Судья отметила, что банкротство — крайняя мера, и если есть возможность его избежать, то следует рассмотреть предложение ответчика. Она посоветовала сторонам прийти к мировому соглашению, выделив на это три месяца. Но Сбербанк на мировую не пошел.

«Я понимаю, что кто-то может рассчитывать на новую распродажу активов банкрота и покупку здания за копейки, — уверен Карен Арустамян. — Такое ощущение, что мы просто бьемся головой о глухую стену».

22 июля 13-й арбитражный апелляционный суд отклонил апелляцию «Райф Сити» и оставил в силе решение Арбитражного суда о банкротстве «Райф Сити» и конкурсном управлении компанией. Арустамян говорит, что сдаваться не намерен. Хотя бы в память об отце.

Максим ЛЕОНОВ

Ленинградский облсуд вынес приговор исполнителям убийства ресторатора Долгополова. Предполагаемый заказчик преступления более двух лет живет на Украине и занимается благотворительностью.

По сообщению пресс-службы областной прокуратуры, 5 августа суд присяжных признал уроженцев Великого Новгорода Сергея Кима, Андрея Васильева и Вадима Обысова виновными в убийстве известного в Петербурге скульптора и ресторатора Михаила Долгополова. Приговор вынесли 18 августа: Обысов, непосредственно стрелявший в Долгополова, проведет в местах лишения свободы 18 лет; признанные соучастниками Ким и Васильев приговорены к 17 и 15 годам соответственно.

Как следует из материалов дела, в апреле 2019 года преступники обманом вывезли Михаила Долгополова в поселок Вайя в Гатчинском районе и убили выстрелом в затылок. Тело погрузили в машину и увезли в Новгородскую область, а там закопали в лесу. Причиной убийства стали огромные долги ресторатора.

По версии следствия, Долгополов взял деньги в долг у известного в определенных кругах авторитета Юрия Бирюченко по прозвищу Танкист. Отдавать не торопился, и Бирюченко нанял подельников, чтобы те наказали должника. Киллер Андрей Васильев довольно долго втирался к Долгополову в доверие. И когда однажды предложил отвезти на встречу с потенциальным партнером по обналичиванию денег, тот без опаски сел в автомобиль.

«У НАС БЫЛИ СВЕДЕНИЯ, ЧТО ТАНКИСТ ТОРГОВАЛ ОРУЖИЕМ, А ТАКЖЕ ДАВАЛ ДЕНЬГИ В ДОЛГ ПОД БОЛЬШИЕ ПРОЦЕНТЫ. НО ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕ БЫЛО»

Заявление о пропаже Михаила Долгополова поступило в полицию 19 апреля 2019 года. По рассказам очевидцев, накануне вечером ресторатор вышел из принадлежащей ему сырной лавки Ma Maison на улице Белинского и сел в черный «Форд Мондео». Довольно быстро выяснилось, что номера на машине поддельные. Форд удалось отследить до поселка Вайя, где в одном из коттеджей, арендованном на несуществующего человека, сотрудники полиции нашли кровь, разбитый бокал и пулю от пистолета ТТ, застрявшую в стене.

К концу августа подозреваемые в преступлении были задержаны в Самаре и Петербурге. Все трое довольно быстро признались и указали место, где закопали тело. Назвали и заказчика преступления — Юрия Бирюченко. В сентябре 2019 года в домах, принадлежащих Бирюченко, прошли обыски, а сам он был объявлен в международный розыск. Впрочем, бывший капитан

Михаил Долгополов

ЗАКАЗЧИК УСТАНОВЛЕН, НО НЕ ВЫДАН

танковых войск особо и не скрывался ни тогда, ни сейчас. Он спокойно живет в Житомире (Украина) и занимается благотворительностью.

Предполагаемый заказчик убийства — личность в Петербурге известная. В советские времена он окончил Киевское танковое училище, служить попал в Каменку Выборгского района Ленобласти. В конце 80-х был условно осужден за неосторожное убийство солдата-срочника (задавил танком), но со службы не уволен. В 1992-м выстрелил в затылок из табельного пистолета другому солдату, но был признан невменяемым и отправлен на принудительное лечение.

Через два года психиатры признали Бирюченко здоровым и выпустили на волю. Возвращаться в родной Житомир бывший офицер не спешил. Примкнул к одной из самых одиозных ОПГ Петербурга — «акуловским», так группировку называли по имени ее лидера Саши Акулы (Александр Анисимов). После ареста последнего в 1998 году Бирюченко из остатков ОПГ создает собственную бригаду. С тех пор в криминальном мире его знают как Танкиста. По словам людей, близких к криминальным кругам, Танкист всегда был очень амбициозен и отличался мстительностью.

По нашим данным, Танкист сумел сохранить часть общака «акуловской» ОПГ и потом вложил деньги в легальный бизнес, — рассказал «Новой» бывший сотрудник Северо-Западного Регионального управления по борьбе с организованной преступностью Алексей Ковалев. — Но криминалом заниматься не переставал. У нас были сведения, что Танкист торговал оружием, а также давал деньги в долг под большие проценты. Но доказательства этому не было.

Как уже упоминалось, Михаила Долгополова могли убить за долги. И действительно, при обыске у него обнаружили целую стопку расписок и записную книжку с указанием, кому и сколько он должен. Позже выяснилось, что он постоянно перезанимал деньги у одних, чтобы отдать другим. Среди его возможных кредиторов называли даже модельера Валентина Юдашкина. Долгополов постоянно ввязывался в сомнительные проекты, которые приносили не приносили, но позволяли возвращаться в светской тусовке.

— Принято считать, что должников не убивают, — продолжает Ковалев. — Но нужно знать Танкиста, чтобы поверить, что этот убить как раз мог. Если информация о том, что Бирюченко давал деньги в долг под большие проценты, верна, то Долгополова могли убить в назидание другим. Тем, кто так же не спешит рассчитаться с долгами.

Сам Бирюченко в интервью адвокату одного из подсудимых по этому делу в феврале нынешнего года подтвердил, что знал Долгополова и давал ему деньги в долг.

— Мы познакомилась с ним в 2004 году, — заявил Бирюченко. — Тогда в Петербурге действовало очень модное кафе Che, которое принадлежало Долгополову. Я часто туда приходил, а Михаил обязательно знакомился с постоянными клиентами. В 2009 или 2010 года я одолжил ему 100 тысяч долларов США. Он занимал деньги на год, но полностью отдать не смог. Несколько лет отдавал частями. Он не скрывался, всегда перезанимал, извинялся. Но году в 13-м или 14-м неожиданно исчез. К тому времени он вернул то ли 70, то ли 80 тысяч. У меня была его расписка, и я подал в суд на всю сумму. Узнав об этом, Долгополов тут же появился и вернул оставшиеся деньги. Я ему отдал расписку, и на этом наши бизнес-отношения закончились.

Бирюченко заявил, что от следствия он не скрывался, а в Житомир переехал, потому что умер его отец и нужно было заботиться о старенькой матери. Кроме того, по словам Танкиста, Долгополов был должен не только ему, но и одному из подсудимых Сергею Киму, которого Бирюченко хорошо знает.

Как сообщала «Фонтанка», в октябре 2020 года в помещении благотворительного фонда «Духовное образование», учредителем которого является Юрий Бирюченко, житомирская полиция и СБУ провели обыски. Сообщалось, что там даже нашли оружие. Но судя по тому, что Бирюченко по-прежнему находится на свободе и даже был награжден украинским орденом «За заслуги» 3-й степени, к оружию он оказался непричастен. Судьба ордера на международный розыск в условиях, когда Россия и Украина фактически находятся в состоянии конфликта, тоже неясна. А Бирюченко, судя по всему, Житомир покидать не собирается.

Максим ЛЕОНОВ

Полтора года назад учредитель благотворительного фонда «Дом с маяком» Лида Мониава и еще несколько сотрудников Детского хосписа взяли на время карантина самых тяжелых детей из интерната домой. Чтобы эти дети смогли пережить эпидемию. Эпидемия кончилась, а дети у сотрудников остались. У Лиды — 13-летний Коля. У Дианы Лусенковой — 20-летний Рома. Оба — глубокие инвалиды, нуждающиеся в постоянном уходе и заботе. Девушки оформили опекунство на ребят. Так спонтанно возникло две истории, на которых нам было важно показать, как радикально отличается господдержка семей, в которых есть несовершеннолетние и совершеннолетние дети. Оказалось, что разница в один календарный день в 18 плюс не только означает возрастную рубез, но и открывает катастрофические перспективы. Фактически дети-инвалиды, став формально совершеннолетними и, по закону, взрослыми, значительной части поддержки и льгот от государства лишаются. Взамен социальный бонус — путевка во взрослый ПНИ.

Собственно, возрастная граница ребенка-инвалида — это не его проблема. Это всегда проблема его родителей, которые, как правило, способны на многое, почти все. Но обычно родители не имеют возможности нормально зарабатывать (понятно почему). И к моменту совершеннолетия ребенка люди уже изрядно поизношены бесконечным трудом по уходу. А тут еще на них сваливается понимание, что жизнь их формально взрослых детей — это теперь проблема родителей уже без поддержки государства. Ребенок стал по паспорту взрослым. Не справляетесь — вам в ПНИ.

Надо сразу оговориться: и Лида, и Диана, рассказывая о своем опыте жизни с мальчиками, сказали, что если бы не помощь хосписа, сотрудниками которого они являются, если бы не возможность пользоваться услугами няни, которая несколько раз в неделю приходит на смену, то опекунство стало бы предельно тяжелой ношей. Ровно такой, которую годами несут родители тысяч детей, которые никогда не станут самостоятельными.

Лида МОНИАВА, учредитель фонда «Дом с маяком», опекун 13-летнего Коли:

— В 18 лет ребенок-инвалид лишается многого. Например, если у него стоит зонд или гастростома, то есть он может только специализированное питание, стоимость которого в среднем 60 тысяч рублей в месяц. Это специпитание федеральным законом гарантировано только детям до 18 лет.

То же касается лечения редких генетических заболеваний — муковисцидоза, СМА, при которых люди не умирают, если доступны лекарства. У нас под опекой хосписа есть дети, которым сейчас 17 лет, и через президентский фонд «Круг добра» они эти лекарства получают. Но через несколько месяцев им исполнится 18, и вместо того, чтобы радоваться совершеннолетию, они в трауре, потому что для них прекращение лечения — это прекращение жизни.

Кроме того, значительно усложняется жизнь для родителей тяжелых детей-инвалидов. Если такой ребенок не ходит, не говорит, писать не может, то есть фактически является недееспособным, то, когда ему исполняется 18 лет, его родители должны через суд доказать, что они имеют право быть опекуном. Это же абсурд. Кроме того, это очень сложная процедура. Домой приходит специальная комиссия и оценивает условия жизни ребенка в его родном доме. Затем родителей проверяют на право быть опекуном. Родитель, имеющий онкологический диагноз, не может быть опекуном, низкий доход тоже не приветствуется. И родители ждут совершеннолетия ребенка в страхе, потому что их вовсе могут лишиться права жить со своим ребенком. Могут в ПНИ забрать.

То, что ты справлялся все эти 18 лет, как-то не учитывается.

Я взяла из интерната мальчика Колю, которому сейчас 13 лет, и я как опекун

Лида Мониава и Коля

Соцсети

КАК ГОСУДАРСТВО ВЫНУЖДАЕТ РОДИТЕЛЕЙ ОТДАВАТЬ СВОИХ СОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ В ПНИ

ВОЗРАСТНАЯ ОТБРАКОВКА

получаю в общей сложности на него 80 тысяч рублей в месяц. Из них 60 тысяч зарплата опекуна, есть еще надбавки, его пенсия по инвалидности, а моя коллега Диана взяла ребенка с аналогичными нарушениями, но ему 18 лет, и ей сложнее. Она получает лишь 20 тысяч рублей Рومیной пенсии. У меня есть бесплатный проездной на меня и на Колю, а у нее только на Рому. И в общей массе льгот у нее значительно меньше. Получается, что наше государство поддерживает передачу детей-инвалидов в ПНИ после их совершеннолетия, потому что родители уже не в силах их тянуть.

На самом деле, критерием оценки помощи должно служить состояние человека, а не его возраст. Например, слабовидящий человек может компенсировать свое состояние разными техническими средств-

вами и в результате может передвигаться и работать. Такому человеку нужно меньше помощи, чем лежачему. Я бы скорее оценивала, сколько часов поддержки в день человеку нужно индивидуально. Такого реестра в стране нет. Фонд «Старость в радость» занимается продвижением системы долговременного ухода. Они разработали технологии индивидуальной оценки потребности человека в помощи. Но это не федеральные проекты. Сейчас одинаковые деньги платятся тому, кто болеет, но может ходить, работать, учиться, и лежачему.

Это вопрос распределения бюджета. Вот есть ребенок-инвалид, и государство так или иначе будет его финансировать, но почему-то кровной семье выделяют на ребенка 15 тысяч рублей, опекуну 60 тысяч, а интернату 250 тысяч рублей в месяц. То есть финансирование идет не в кровные семьи, а в учреждения. Модель ПНИ, кроме того, что, по сути, антигуманна, она еще и разорительна. Каждый человек в ПНИ по штатному расписанию обеспечивается кухаркой, уборщицей, сиделкой. Это все не нужно было бы, если бы эту помощь отдали в семьи, где все делает мама.

Диана ЛУСЕНКОВА, игротерапевт «Дома с маяком», опекун 20-летнего Ромы:

— Я опекун совершеннолетнего недееспособного Ромы. По сути, он — ребенок, за которым нужен круглосуточный уход. Я получаю 20 тысяч пенсии Ромы, а моя работа опекуна по логике государства ничего не стоит.

Но я с Ромой нахожусь в особой ситуации — нам очень помогает хоспис. К нам приходит няня из хосписа, и я могу куда-то по делам уехать, хоспис покупает

для Ромы очень дорогое питание. Я только на пенсию Ромы сама не смогла бы его приобретать. Рома до этого в интернате ел обычную еду, но она у него не усваивалась, и он был очень худой. А благодаря питанию начал получать все, что нужно организму. Год назад весил 21 кг, а сейчас 30. Это большой прогресс.

В день я много чего должна делать — кормить его, гулять, пересаживать из кровати в коляску, менять памперс и умыть. Он не держит ни спину, ни голову. Меня выручает подъемник, который хоспис нам выделил. На нем можно Рому в специальном гамаке пересаживать.

У обычных родителей этих возможностей нет. Льгот на квартплату у нас нет, потому что мы снимаем квартиру. У Ромы есть квартира, где он прописан, но жить там невозможно, потому что там нет ни лифта, ни пандуса.

Когда Роме исполнилось 18 лет, мне сказали, что для того, чтобы получать бесплатные памперсы, нужно подтвердить, что он нуждается в определенном их количестве. Каком — это, оказывается, должна решать специальная комиссия в поликлинике.

Пока я покупаю памперсы на свои деньги. Так проще. Еще докупаю лекарства, которые не выделяет бесплатно поликлиника. Когда брала Рому, я не думала, что стану опекуном, рассчитывала, что помогу ему пережить самое страшное ковидное время, а через два месяца поняла, что отдать его не могу.

Моя жизнь теперь строится вокруг Ромы. В 9 утра он просыпается, я его умываю, кормлю, после обеда гулять ходим. Ему очень нравится заходить в кафе, я ему всегда что-то вкусненькое покупаю...

« СЕМЬЕ ВЫДЕЛЯЮТ НА РЕБЕНКА 15 ТЫСЯЧ РУБЛЕЙ, ОПЕКУНУ 60 ТЫСЯЧ, ИНТЕРНАТУ — 250

буквы современности

«ГЛИНА»
НЕНАВИСТИ

Что не так со скульптурой Урса Фишера?

Недavno на Болотной набережной в Москве появилась огромная скульптура, изображающая... Ну каждый может сам решить, что она изображает. Ее автор, знаменитый швейцарский художник Урс Фишер, дал произведению название «Большая глина № 4». Судя по искусствоведческим описаниям, это памятник творческой мысли художника. Вот скульптор думает, мнет глину, рвет ее на куски, складывает эти куски вместе, а в это время в его воображении что-то рождается. И вот этой глине, нужной, в сущности, лишь для того, чтобы тереть что-то в руках, пока думаешь, устанавливается огромный памятник из металла.

Я, кстати, воспринимаю эту скульптуру не так. Мне кажется, это продутый ветрами и вымытый морем утес. Такие есть — хоть в Крыму, хоть у берегов Сардинии. Это некое напоминание об утерянном нами романтизме и отсылка к истокам. А то камни города уже и не помнят, откуда они взялись. Даже различные на поверхности металла полоски — отпечатки пальцев художника — не мешают мне видеть именно это.

Но большинство москвичей, как выяснилось, видят тут нечто совсем другое. А конкретно — экскременты. Вот прямо-таки кучу экскрементов. Кстати, я уверена, что не то чтоб художник не закладывал в свое произведение такую возможность. Фишер вообще склонен к игре с этой темой. Несколько лет назад на выставке в музее «Гараж» показывали его объект — унитаз, наполненный прекрасными фруктами, потому что какие бы замечательные вещи мы ни ели, они все равно окажутся там.

Провокация (а Фишер — мастер этого дела) требует как минимум двух участников. Один провоцирует — другой провоцируется. Только тогда это работает. В лице пользователей отечественных соцсетей Фишер получил публику исключительно благодарную. Блоги разражались трехэтажными проклятиями и насмешками. Российская реакция оказалась куда злобнее, чем реакция, например, жителей Флоренции, где эта скульптура стояла прямо на площади у Палаццо Веккио рядом с «Давидом» Микеланджело (ну хорошо, с его копией). Нельзя сказать, конечно, что итальянцы ее как-то особенно полюбили, но в соревнованиях неприязни мы их точно победили — некие городские активисты уже собирают единомышленников на акции протеста.

Архитектурный критик Григорий Ревзин сказал в интервью, что у нас скульптура Фишера стала памятником «единению в ненависти, которую мы выливаем на страницы социальных сетей». У себя в блоге он добавил, что подобную злобу у нас вызывает вообще «любая скульптура: неважно, это Владимир, Калашников, Ржевский монумент или скромный памятник Самуилу Яковлевичу Маршаку на Лялиной площади, который усилиями общественности удалось убить в зародыше».

В этом списке вызывавших протест статуи забыт важный пункт — памятник Петру Первому работы Зураба Церетели. А именно с ним соседствует объект Фишера на Болотной набережной. Практически как со статуей Давида во Флоренции.

Но если «Давиду» эта самая «Глина» противостояла (как и всей окружаю-

Артем РАМАЗАНИ-ЗУБОВ / ТАСС

щей возрожденческой архитектуре), то с Петром они составляют некий созависимый дуплет. Петр не контрастирует со скульптурой Фишера, а скорее поддерживает и тем самым оглупляет ее. Кажется, что ну окей, раз то безобразно было возможно — возможно и это.

Установлен (кстати, не навсегда — это временная выставка) взволновавший всех объект на территории, принадлежащей центру современного искусства ГЭС-2, которым занимается фонд V-A-C, созданный Леонидом Михельсоном. Нет сомнений, что руководители центра осознали этот жест как провокационный, но все же, думаю, такая почти всеобщая озлобленная реакция — не то, что они хотели. Искусствовед Дмитрий Пиликин написал, что все дело в том, что V-A-C опоздал. «Они строили свой центр, чтобы доказать, что Россия — это часть Европы и ничего не случилось. Увы, случилось, и мы все дальше уходим в резервацию за новый железный занавес».

Мне же кажется, что дело не столько в опоздании, а скорее в особом изоляционизме наших культурных институций и некоторой части культурной публики.

Есть известный анекдот о том, как еврей рассказывает другу, что в субботу нашел на дороге кошелек, но не мог его поднять, так как в день субботний такое запрещено. «Но я помолился, — продолжает он, — и Господь сотворил чудо: вокруг была суббота, а у меня четверг».

До поры до времени многие из нас старались жить в этом сознании, что можно создать вокруг себя четверг. Что контекст можно если не победить, то раздвинуть. Или хотя бы не заметить. Такой территорией четверга был, например, парк Горького, когда его делал Сергей Капков, или знаменитое московское пространство «Яма», пока его не обложили заборами и автозакками.

Но нет, контекст нельзя не учитывать. И в контексте сегодняшнего дня и сегодняшней Москвы «Большая глина» не щекочет наше эстетическое чувство, как задумано, не дает нам почувствовать ничего нового (пусть даже нового дискомфорта), а лишь слегка увеличивает привычную травму москвича, возникшую на почве городских монументов. Скульптура покойно становится в ряд и так ненавидимых предметов.

А на то, чтобы разбирать, что «это другое», сил уже нет.

Анна НАРИНСКАЯ,
специально
для «Новой»

Диана Лусенкова и Рома

Соцсети

18+

Диана так рассказывает про Рому, как будто прожила с ним всю жизнь. Все как будто легко и просто — и памперсы на свои деньги, и гулять в кафе, и таскать на себе взрослое, но беспомощное дитя. Диане — 27 лет, и она фактически спасла Рому от гибели. Это факт очевидный.

До 17 лет Рома жил дома. Сначала с мамой, которая одна тянула 18 лет двоих сыновей-инвалидов. Потом мама умерла от рака, и еще год с мальчиками жила бабушка. И она тоже умерла. А братьев забрали — Рому в детский интернат, его старшего брата Пашу в ПНИ. И Паша умер там через полгода.

Этот шекспировский хоррор для огромного большинства детей, уходящих после совершеннолетия из детдомов или семьи в ПНИ, — распространенный и единственно возможный сценарий.

За последние годы в общественном сознании стало отчетливо укрепляться понимание, что доступная среда — пандусы, туалеты, подъемники, — это не роскошь, а общественная необходимость, причем для большинства. Разве кто-то хоть раз в жизни не сталкивался с тяжелой болезнью своей или близких, которая лишает человека свободы передвижения? И что инсульт, травма или старость — это почти всегда физический ущерб, пусть и временный.

Но отчего-то в слепой зоне разговор о том, что все те люди, которые годами ухаживают за родственниками-инвалидами, независимо от их возраста, остро нуждаются в деньгах. Во-первых, потому, что почти всегда такой уход несовместим с постоянной работой. Во-вторых, очень часто в многолетнем марафоне жизни в

предлагаемых обстоятельствах, на дистанции остаются двое: мать и ребенок. Мне ни разу не попадалась на глаза статистика, какой средний бюджет имеет семья, имеющая на иждивении и уходе родственника-инвалида. Сколько из этого бюджета средств тратится на уход, сколько остается на жизнь ухаживающему. И есть ли при таком сценарии хоть какие-то деньги, чтобы обучать, реабилитировать, развивать своего ребенка.

250 тысяч в месяц государство выделяет на одного жильца в ПНИ. 250! На эти деньги в подавляющем большинстве учреждений созданы условия, близкие к тюремным. Без свободы передвижения, без полноценного питания, ухода, без адекватного медицинского обслуживания.

Горсть психотропных препаратов и раз в три года анализ крови и флюорография — это вся медицина.

По опросам среди родителей детей-инвалидов, проводимым общественниками, выяснилось, что 100% из них не хотели бы, чтобы после их смерти дети попадали в ПНИ.

ПНИ — это в их представлении ментальный конец жизни их ребенка, если не физической, то человеческой точно.

Но с перераспределением средств пока государство не торопится. Даже бесплатный проездной Диане не положен. Это что, страшный ущерб державе — бесплатный проездной всем родителям детей-инвалидов? И при чем здесь совершеннолетие беспомощного человека?

Наталья ЧЕРНОВА,
обозреватель «Новой»

Владимир СПИВАКОВ:

«РАВНОДУШИЕ»

Народ творит кумиров и ниспровергает авторитеты. Удерживать его внимание долго, не привлекая внимания специальными средствами типа скандала, почти нереально. Но Владимир Спиваков, кумир и моральный авторитет, опровергает эти жизненные наблюдения. Вот уже почти полвека довольно широкая публика не

спускает с него глаз. Он восхищает ее виртуозным талантом и убеждает своим действенным состраданием. Возможно, между музыкой и непафосной добротой есть связь, которую я и пытаюсь нащупать в разговоре со скрипачом, дирижером, интеллектуалом, коллекционером и просто очень хорошим человеком.

— Еще не остыли впечатления после концерта памяти Андрея Сахарова в Доме музыки, где многих просто потрясло исполнение поэмы Шостаковича «Казнь Степана Разина» на стихи Евтушенко. Поэтому в начале разговора хочу спросить: почему вы выбрали это сочинение?

— Лично для меня оно знаковое: и его автор, и главный герой были людьми, не отступавшими от своих идей и убеждений. За это их преследовала и унижала власть. Строчка из поэмы «Вы всегда плюете, люди, в тех, кто хочет вам добра» применима к судьбе многих исторических личностей, в частности — Сахарова, которому был посвящен концерт. Андрей Дмитриевич не был религиозным человеком, однако его жизнь и устремления были истинно христианскими. Поэтому мы завершили программу песнопением Рахманинова «Тебе поем» из Литургии святого Иоанна Златоуста. Оно звучало молитвой и об ушедших героях, и обо всех нас, живущих.

— У вас особое отношение к Сахарову?

— Я не был лично знаком с Андреем Дмитриевичем, но общался с его женой Еленой Боннэр. Мне с «Виртуозами Москвы» довелось открывать Центр Сахарова в Страсбурге, где дирижировал великий Иегуди Менухин. Тогда должен был приехать Собчак, но заболел, зато была Галина Васильевна Старовойтова, которую не грех вспомнить сегодня. Для меня знакомство с ней было особенно важным, поскольку я ее всегда глубоко уважал. Мы провели очень теплый вечер, тем более выяснилось, что она любит музыку и играет на виолончели. Потом по просьбе Мстислава Ростроповича мы выступали в Бостоне, чтобы собрать средства для сахаровского центра. Кстати, собрали большую сумму.

Для меня Андрей Дмитриевич — пример высокого служения Отечеству. Не комнатный мыслитель, а бесстрашный боец за свои идеи. Мне особенно близки его душевное смятение, неуспокоенность. В своем дневнике во время ядерных испытаний в Семипалатинске он пишет про наш невероятный технический прорыв и в то же время страшно переживает случившуюся гибель девочки, задумывается о том, какое несчастье может принести людям ядерное оружие. А его призыв к политической конвергенции сегодня актуален как никогда. Я стараюсь руководствоваться его принципом: «Нужно не бояться идти в заданном направлении».

— Отказ от ордена Франциска Скорины, которым вас наградил Александр Лукашенко, — это движение по заданному направлению?

— Скорее следование своей натуре. Я вообще по природе своей страдалец, у меня еще не атрофировалось чувство сострадания, и, узнав о крайней жестокости, с которой белорусские власти подавляют волеизъявление своих граждан, я не мог остаться равнодушным. При этом, за-

метьте, не нарушил нашу Конституцию, в которой не значит, что гражданин РФ не имеет права не уважать президентов и премьер-министров ближнего или дальнего зарубежья.

— А сейчас что более всего задевает ваше гражданское чувство?

— Я в принципе не понимаю, почему свои должны издеваться над своими.

— Вы видите, что это происходит?

— Вижу, что часто слишком преувеличено силовое воздействие на людей. В Библии написано «око за око», но это не значит, что нужно мстить, это значит, что не нужно превышать наказание за совершенные действия. И это мое мнение.

— В этом остром сопереживании людям — корень вашей благотворительности?

— Я много езжу по стране и вижу, как живут люди, в каком состоянии больницы, школы, культурные учреждения, поэтому не могу не помогать людям. Разделяю мысль Черчилля: пессимист видит трудности при каждой возможности, оптимист в каждой трудности видит возможности. И, кстати сказать, мое восхищение вашим главным редактором, Дмитрием Андреевичем Муратовым, в фундаменте имеет именно его страсть помогать, не быть равнодушным.

— К сожалению, это ваше справедливое упоминание Дмитрия Андреевича придется убрать.

— О нет! Я настаиваю. Не стесняйтесь это сказать от меня, потому что вся эта его борьба за лекарства для больных СМА, добывание денег для спасения детских

СМА. Мы со всей пристальностью следим за деятельностью Фонда и скоро начнем новые акции в поддержку больных орфанными (редкими) болезнями. Ну, хочется оставаться людьми, а не оптимизаторами. — Муратов.)

— Сейчас оно явно пойдет в ход, учитывая, что доходы людей падают, жизнь осложняется, так что помощь вашего благотворительного фонда будет еще нужнее талантливым детям.

— И не только им. Мы поддерживаем вместе с фондом «Артист» и ветеранов театра и кино, сотрудничаем с фондом Чулпан Хаматовой, фондом «Вера». В общем, помогаем всем, кто в этом нуждается. Покупка музыкальных инструментов, красок, мольбертов, лечение и операции, а теперь и устранение ковидных последствий — все это требует еще больше денег и внимания.

— Фонд продолжает посылать маленьких музыкантов к их сверстникам в колонии для несовершеннолетних? Все-таки «Дети на обочине» — очень необычное направление.

— Занимаемся этим, по-моему, с 1998 года и продолжаем до сих пор — я не привык ничего бросать на половине. У нас ведь больше 60 колоний для несовершеннолетних. Я вообще считаю, что каждый ребенок рождается талантливым и уж точно не рождается преступником. Беда в том, что кого-то вовремя не разглядели, не создали условий, не протянули руки. Тем более оступившемуся надо помочь выбраться на дорогу. Когда встречался с начальниками этих колоний, то они рассказывали, как дети воспринимали происходящее. Вот представьте: среди этого мрака появляется девочка с бантиками, в белых чулочках, в

« В НАШЕЙ КОНСТИТУЦИИ НЕ ЗНАЧИТСЯ, ЧТО ГРАЖДАНИН РФ НЕ ИМЕЕТ ПРАВА НЕ УВАЖАТЬ ПРЕЗИДЕНТОВ И ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОВ БЛИЖНЕГО ИЛИ ДАЛЬНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ »

жизней важно для многих, а меня приближало к нему духовно. Тем более как добывать деньги для подобных вещей, знаю по себе. У меня есть правило: не следует быть гордым, когда просишь за других. (Если без упоминания моего имени не обойтись, то уточню: главные герои — родители смайликов. Благотворители. Фонд детей СМА. «Эхо Москвы» и «Такие дела». Огромную роль сыграл доктор Курмышкин. Нам же все ввали в конституционной комиссии, в Думе, в Совете Федерации. Теперь, благодаря народным усилиям, Владимир Путин создал фонд «Круг добра». И мы по всей стране видим новые возможности для больных

хорошем красивом платье и начинает играть на флейте. Сидящие в зале дети плачут. Для них это действительно луч света в темном царстве и возможность увидеть другую жизнь. Вот ведь в чем дело.

— Какие произведения исполняете?

— Классические, с учетом детской аудитории, конечно.

— «Детский альбом» Чайковского?

— Да, и какие-то пьесы доходчивые, «Мелодию» Глюка, которая проникает прямо в сердце. Надо показывать таким детям, что существует другая жизнь,

РАЗГОВОР
С МАЭСТРО
НАКАНУНЕ
ВРУЧЕНИЯ
ПРЕМИИ
ИМЕНИ АННЫ
ПОЛИТКОВСКОЙ
«КАМЕРТОН»
В ДОМЕ МУЗЫКИ
30 АВГУСТА

что нужно в эту жизнь идти, что она прекрасна. В музыке совершенно нет агрессии.

— Кто-то из этих детей пришел к музыке?

— Не знаю. Во всяком случае, посыл дан. Должен сказать, что это все происходит с ведома Минюста. Однажды я встретился с бывшим генеральным прокурором Юрием Яковлевичем Чайкой, он меня сердечно благодарил за это.

— Вы славитесь своим умением составлять концертные программы. Как вам удается удерживать внимание и искушенных, и неискушенных слушателей?

— Надо много думать, очень много думать, честно вам говорю. Когда Исаак Ньютон выдал в свет свою теорию гравитации в связи с падающим яблоком, многие говорили: ну что тут такого особенного? Но сохранились письма Ньютона, где он писал, что много думал о том, что удерживало Луну, вращающуюся вокруг Земли, и что удерживало Землю на орбите вокруг Солнца. Вот в чем причина,

СТРАШНЫЙ ГРЕХ»

ЮРИЙ РОСТ — «Новая»

понимаете? Я не могу печь программы как блины, мне нужно время, и времени нужно давать время тоже.

— Наверное, во время пандемии у вас было много времени подумать.

— О да! Мы вместе с Сати три месяца добросовестно сидели в своей московской квартире, и я даже сказал, что если мы не поссоримся... Нет, это Сати сказала: «Если мы не поссоримся с тобой за это время, то есть шанс дожить до золотой свадьбы».

— Похоже, отметим вашу золотую свадьбу непременно.

— У нас 38 лет совместной жизни, надо постараться дотянуть, конечно. Что касается вакцинации, то я один из первых сделал ее для примера, и большинство людей, с которыми работаю, привакцинировались.

— Все эти ковидные неприятности как-то отразились на отношениях внутри оркестра?

— У меня на редкость уважительные и товарищеские отношения с му-

зыкантами, поэтому никаких проблем в человеческих взаимоотношениях не было.

— Но пандемия сильно повредила вашей деятельности?

— Естественно, мы потеряли все что могли. Например, колоссальные гастроли. Национальный филармонический оркестр должен был открывать в театре «Ла Скала» сезон, потеряли Германию, Швейцарию, Люксембург, Испанию, Америку, много чего еще.

— И зарубежные звезды, на выступления которых так любит ходить наша публика, не приезжают, что тоже бьет по карману?

— Свою деятельность президента Московского международного Дома музыки я начал с того, что пригласил Лучано Паваротти. У нас действительно любят звезд, и сейчас с этим огромная проблема: гонорары снижаются, билеты хуже раскупаются, еще и политика мешает, поскольку нашу вакцину не принимают на Западе, а западную — «зеркальным образом» у нас. Сейчас часто вспоминаю

фразу Бродского «к равнодушной отчизне прижимаясь щекой».

— Почему вы отказались устраивать онлайн-концерты в Доме музыки?

— У Роберта Рождественского есть такие слова: «Есть эхо. Предчувствие притяжения. Почти что смертельное баловство...» И это действительно ни с чем несравнимое ощущение — когда вы выходите на сцену, когда вам внимает зал, оркестр, идет обмен энергиями, музыка проникает в душу человека, и он вдруг ощущает себя личностью, способной чувствовать, воспринимать, переживать. Прав был Толстой, говоря, что искусство есть одно из средств единения людей. И я бы сказал — утешения, особенно важного сейчас. Без этого настоящее искусство не рождается.

— Хорошо, что посещение классических концертов вошло в моду у молодых. Как считаете, все восстановится?

— Надеюсь, что залы будут постепенно заполняться. Сужу по нашим концертам в МГУ, в Бауманке, с которыми мы сотрудничаем. Полные залы, прием горячий невероятно, мы счастливы там играть. Об этом мало кто знает, но это факт.

— Скажите, молодое поколение музыкантов отличается от прежних?

— Они значительно быстрее нас. И технически более подкованы по части информации, имеют возможность по интернету заказать любые ноты, по зуму заниматься друг с другом, что и происходило во время пандемии. Поэтому, когда мы, наконец, собрались вместе для первого концерта, оказалось, что все в прекрасной форме.

— Наверняка это все-таки заслуга не техники, а дирижера. Вот профессия, понимание которой недоступно обыкновенному человеку! Как это возможно — улавливать малейшие оттенки звучания и эманаций целого оркестра? Чем нужно обладать для этого, помимо очевидного?

— Мне кажется, Марина Ивановна Цветаева поразительно точно нашла определение оркестру: «Оркестр — это единство множества». Для меня это не работа. Музыка рождается заново каждый раз, когда выхожу к пульту. Для этого надо воспитывать душу. Вот сейчас работаю над программой к 150-летию Александра Николаевича Скрябина. Мне кажется незаслуженным то, что он не стоит в мировом рейтинге композиторов на должном месте. Скрябин необыкновенно современен, вот это ощущение тревоги, которое сейчас просто разлито в воздухе, у него очень сильное. Переслушав некоторое количество записей, я понял, что должен расчистить эту музыку, как расчищают иконы. Изучаю, вслушиваюсь в каждый такт партитуры, чтобы сказать любому музыканту оркестра — где, что, как, когда надо делать.

Если вы смотрите фильм Бергмана — ну, к примеру, «Фанни и Александр», — то вас может потрясти не только фабула, не только актеры, но и то, как это смонтировано. Вы не чувствуете монтажа — вот что важно. То же самое — с симфонией: когда я работаю с партитурой, нужно, чтобы не слышен был монтаж, чтобы из-за деталей не потерялось целое и чтобы целое не потеряло детали. Мы часто не знаем, кто и что является нашими учителями.

— А вы знаете, кто ваши учителя?

— Одна из первых моих учителей, Любовь Марковна Сигал, была ученицей

великого педагога Леопольда Ауэра, так что я через нее ощущал тонкую связь с ним. А один из учителей, можно сказать хотя бы в шутку, сохранил меня для профессии. Дело в том, что я с детства любил живопись, к тому же всю юность провел в Ленинграде, — как вы понимаете, Эрмитаж, Русский музей... В Москве, пока не было построено общежитие Московской консерватории, снимал угол на улице Кирова, дом 24. Там жил в коммунальной квартире художник Александр Васильевич Буторов, он в свое время занимался у выдающегося Чистякова, а потом я брал уроки у него. Однажды мы идем с ним по Рождественскому бульвару — в резиновых сапогах, с мольбертом, — и навстречу — мой профессор по скрипке Юрий Исаевич Янкевич. Я поздоровался, он спрашивает: «Это что такое?» Отвечаю: «Едем на пленэр в Измайловский парк писать этюды». Он говорит: «Завтра приходишь ко мне, пленэр». Я пришел, и он заявил: «Либо ты прекратишь занятия боксом и живописью, либо будешь продолжать играть на скрипке». Ну вот — я послушался, и эта страсть к живописи превратилась в коллекционирование.

— Выбор между живописью и музыкой был самым сложным в вашей жизни или были вызовы серьезнее?

— Я и тогда понимал, что живопись — это скорее мое сильное увлечение, а вот однажды у меня был действительно сложный случай. В Америке один коллекционер инструментов предложил мне на выбор скрипки Страдивари, Гварнери. Выдающиеся совершенно. Я же играл на скрипке простого венецианского мастера, его звали Франческо Гобетти. Вдобавок в «грудь» ей был вставлен, как при операции на сердце, такой байпас, так что она была не очень дорогой. Я поиграл на предложенных скрипках и вернул их. Коллекционер мне написал в ужасе: «Вы можете, господин Спиваков, объяснить мне, почему вы отказались от таких великих инструментов?» И я ему ответил: «Надеюсь, что вы понимаете разницу между страстью и любовью».

— Что вам помогало делать нравственный выбор, хотя неловко и употреблять это слова, когда государство озабочено духовно-нравственным воспитанием молодежи на сумму в 10 миллиардов рублей.

— Знаете, древнегреческие философы задавались вопросом: для чего мы воспитываем своих сыновей, обучая их свободным искусством? Дело не в том, что они будут демонстрировать добродетель, а в том, что они подготавливают душу для ее восприятия. И очень важно, в какой семье ты рос. У меня мать — блокадница, это уже о многом говорит. И важно, что я воспитан на русской литературе, на русской поэзии, и это те артерии, которые до сих пор меня питают. Какую бы книгу вы ни взяли из наших великих — вы понимаете, что это не только прошлое, а это настоящее.

— Мы с вами понимаем, а понимают ли это, например, ваши дети?

— Ну, мои дети, к сожалению, больше французы. Я как-то спросил мою младшую дочку (она уже довольно известная джазовая певица, училась в Бостоне в Berklee School of Music): «Как ты себя идентифицируешь?» Она говорит: «Я русская и французенка».

Окончание материала
Ольги ТИМОФЕЕВОЙ —
СТРАНИЦА 14 ⇨

← СТРАНИЦЫ 12-13

Владимир СПИВАКОВ:

«РАВНОДУШИЕ — СТРАШНЫЙ ГРЕХ»

Монахи молятся за выздоровление Спивакова

— То есть «европейка нежная»?

— Именно! Однажды Петр Ильич Чайковский, он занимался историей Петра I, в одном из писем к Сергею Ивановичу Танееву написал, что Петр I нас поместил в хвост Европы и, наверное, мы там останемся надолго. Я все-таки думаю, что мы не в хвосте Европы, а в ней, в Европе. Так что моя дочь на правильном пути.

— У вас есть панические настроения по поводу того, что происходит в мире?

— Конечно. То, что мы все время писали про Талибан, запрещенный в России, сейчас придется пересматривать. А к чему это приведет? Очень боюсь, что не к чему хорошему. Я люблю Узбекистан, мы часто там выступаем, люблю Среднюю Азию, а теперь там будет очень сложно. Опасность просто висит в воздухе.

— Вы состоите в Совете по культуре при президенте России. Что вы делаете, чтобы хоть как-то снизить общую тревожность и защитить культуру?

— Сразу скажу, что руководит Советом замечательный человек, очень порядочный, очень честный, настоящий русский интеллигент Владимир Ильич Толстой. И там мы рассматриваем премии для молодых, чтобы самым талантливым из них облегчить работу в будущем. Результат определяется тайным голосованием. И это очень важно. А Государственную премию за выдающиеся заслуги в области отечественной и мировой культуры в этом году получили владыка Илларион, которого считало человеком Ренессанса. Столько, сколько он делает, просто непостижимо: и фильмы, и книги, переведенные больше чем на 30 языков, и музыка, которая исполняется во всем мире... Еще Хибла Герзмава, своим пением в лучших театрах мира прославляющая наше искусство, и выдающийся скульптор Александр Рукавишников. Очень рад, что нам удалось отстоять этих заслуженных людей.

— Чем еще важным, помимо музыки и благотворительности, вы занимаетесь?

— Случайно совершенно озвучил документальный фильм о народном поэте Башкортостана «Мустай Карим».

— Действительно неожиданно.

— Я все-таки родился в Башкирии и считал своим долгом что-то сделать для республики. Потом пару лет назад ко мне приехал посланник от Далай-ламы и от его имени попросил сделать аудиокнигу

« БОЯТЬСЯ ПЕРЕЖИВАНИЙ НЕ НУЖНО. НАДО ЧТО-ТО ХОРОШЕЕ ОСТАВИТЬ ПОСЛЕ СЕБЯ

по книжке Его Святейшества «Этика XXI века». Представляете себе, какие тайны я вам раскрываю?

— Невероятные.

— Эту книгу на английском языке озвучивал Ричард Гир. Я когда ее прочел, то сразу согласился. Еще и вспомнил, что в 1764 году Екатерина II своим указом признала буддизм одной из государственных религий России, а мне импонирует эта миролюбивая, толерантная религия, призывающая к милосердию.

Я вам больше скажу: когда попал в 52-ю больницу с ковидом, то мне прислали молитву, которую многие монахи под

предводительством Далай-ламы читали за мое здоровье.

Еще из приятного — получил письмо от настоятельницы женского монастыря в Керчи, где мы играли благотворительный концерт в пользу восстановления монастыря. Также играю концерты для Фонда строительства детских хосписов, в Омске детский хоспис уже построили.

— 30 августа вам предстоит играть на вручении премии Анны Политковской в Доме музыки. Не помешает ли операция на руке, которую вы только что перенесли?

— Вот не знаю, удастся ли мне взять скрипку хотя бы за несколько дней до этого, — пока что палец не гнется. Если смогу, то сыграю, конечно. А если нет, то в этом концерте примут участие «Виртуозы Москвы». Приехать я все равно приеду, уже заказал себе билет в Аэрофлоте.

— Будем надеяться, что все-таки сможете сыграть на концерте. Что собираетесь исполнить?

— Романтические пьесы Дворжака для скрипки, виолончели и фортепиано. Дворжак — исключительно искренний композитор, который много страдал, перенес не одну трагедию в жизни. Эти три пьесы вполне можно назвать так: «Жизнь», «Уход из жизни», «Путешествие в рай».

— Хорошо, что не в ад.

— Нет, мы в ад других пошлем.

— Вы хотели сделать из Дома музыки остров счастья. У вас получилось?

— Об этом будут судить другие, но я старался. В частности, подарил больше 100 работ из своей коллекции живописи Дому музыки. Там замечательные мастера: Вечтомов, Жутовский, Плавинский, Александр Григорьев, Оксана Мась, которая выставлялась в Милане, а сейчас у нее будет большая выставка в Лондоне, выдающаяся художница Гаянэ Хачатурян. Бюст Рахманинова работы

скульптора Гумилевского, который я увидел в Минске в Национальном музее. Он меня потряс совершенно, и мне отлили его в подарок, он стоит у меня в кабинете. Кстати, когда туда зашел Бернар Арно, один из самых богатых людей мира, он сказал: «Владимир, у меня такого кабинета нет».

А на артистическом входе в Дом музыки висит огромная «Троица» современного художника, русского символиста, очень верующего человека из Кирова Александра Мочалова. Когда видят, некоторые начинают креститься, представляете? Люди с другим чувством теперь входят в Дом музыки — по крайней мере, в этих стенах живет душа. А то, что я вынес, добываясь того, что бы он стал визитной карточкой Москвы, то об этом я забываю легко.

— И все-таки какой грех вы считаете самым непростительным?

— Равнодушие и предательство. В Библии Господь говорит о человеке «ни холодном, ни горячем: извергну тебя из уст Моих». Это значит, что человек равнодушен. А равнодушие — страшный грех.

— 12 сентября у вас день рождения. В каком настроении его встречаете?

— Очень тяжелое время у меня, в частности, потому что я пересек планку 75 и начинаю терять близких друзей. Вот ушел художник Олег Целков. Он стал слепнуть и в какой-то момент сложил холсты, вытер кисти, закрыл мольберт и переключил себя на переход в другое состояние. Грустно это, конечно, все это грустно... Но всякие переживания — это все равно определенный духовный опыт. Так что бояться переживаний не нужно. Но смирение, действенное смирение надо сохранять, надо думать о близких, о сохранении семьи, о настоящих жизненных ценностях, стараться не разбрасываться на мелочи, беречь друг друга. Надо что-то хорошее оставить после себя.

Ольга ТИМОФЕЕВА,
«Новая»

жыве беларусь!

В прошлом году минчанин Степан Латыпов еще не был активистом, а его телефон уже прослушивали. 16 августа Степана приговорили к восьми с половиной годам лишения свободы. Это один из самых жестоких политических приговоров начиная с августа прошлого года.

Про Степана хочется рассказывать. Про Степана рассказывать страшно. Про Степана рассказывать необходимо. Потому что таких, как он — незаконно арестованных, несправедливо осужденных, подвергаемых пыткам и издевательствам в тюрьмах, — в Беларуси уже тысячи.

Я не знаю, как становятся героями. Кто-то бросается под танк, а Степан Латыпов просто купил цветы. 12 августа прошлого года было тяжелое солнечное утро, когда усталость навалилась на всю страну, будто сошедшая лавина. После трех страшных ночей, когда белорусов убивали и избивали на улицах, когда крики из тюрьмы на Окрестина по ночам разносились на весь микрорайон, когда родители не могли найти своих детей, когда реанимации были переполнены, как и тюрьмы, наступило это утро. Казалось, что от усталости в этот день уже никто не выйдет из дома. Но несколько десятков женщин все-таки вышли.

Утром они оделись в белое и молча встали в цепочку в центре Минска, возле Комаровского рынка, — это одно из самых бойких мест в городе. Никаких лозунгов, плакатов, кричалок. Только тишина. Молчаливый призыв остановить насилие. Журналисты снимали в ожидании автозак, но автозаки не появились. Зато появился человек, который купил цветы и начал дарить их женщинам в белом. Это был Степан Латыпов.

У него необычная профессия — арборист. Он лечит деревья и борется с сорняками. Степан ухаживал и за деревьями в резиденции Лукашенко. А еще выиграл тендер на обработку Минского района от борщевика. Про Латыпова писали государственные газеты, называя его одним из лучших арбористов в СНГ. А потом он подарил цветы женщинам в белом, молча стоявшим возле Комаровки. Вечером того же дня из Минска будто вообще исчезли силовики. Город был чист.

В тот вечер казалось, что осталось несколько дней до свободы, что ситуация переломилась и что один сильный марш все решит.

Марш тот прошел в воскресенье, 16 августа, и на него вышли полмиллиона белорусов. Ни до, ни после столько людей на акции в Минске не собиралось. Полмиллиона — не просто много. Это действительно сила. Возможно, это был тот самый день, когда вечером нельзя было расходиться. И тогда ровно год спустя Степан Латыпов не получил бы восемь с половиной лет, а Роман Бондаренко был бы жив. Они были соседями — оба жили в одном дворе, который уже год минчане называют «площадью Перемен».

«**П**лощадь Перемен» появилась в их дворе в тот же день, когда Степан Латыпов покупал цветы для женщин в белом: 12 августа. Неизвестные граффитисты изобразили на стене вентиляционной шахты подземной парковки диджеев Владислава Соколовского и Кирилла Галанова. Влад и Кирилл стали известными в один день и даже миг. 7 августа, за три дня до выборов, власти запретили кандидату в президенты Светлане Тихановской проводить предвыборный митинг, заняв все разрешенные для агитации площадки своими мероприятиями. Тогда Тихановская сказала, что вместо проведения митинга посетит городской праздник «Калейдоскоп творчества» в Киевском сквере. Десятки тысяч минчан отправились туда же. И когда весь район оказался занят гуляющими белорусами, два звукорежиссера из Дворца молодежи врубили «Перемен!» Цоя. Парней задержали сразу. На выборах они не голосовали, потому что сидели на Окрестина. И не знали, что через несколько дней в ближайшем к Киевскому скверу

Валерий ШАРИФУЛИН / ТАСС

Задержание
Степана Латыпова

РЕБЯТА С НАШЕГО ДВОРА

История Степана Латыпова с той самой «площади Перемен», где убили Романа Бондаренко. Про Степана рассказывать страшно — ему дали восемь с половиной

дворе появится мурал с их изображением: в тюрьму такие новости не передают.

С первого дня городские службы начали войну с муралом. Закрашивали, соскребали, смывали, но изображение появлялось вновь. А потом жители двора решили просто нести вахту и защищать стену с муралом. 15 сентября была вахта Степана Латыпова. Но вечером во двор приехали не коммунальщики, а ОМОН. Степану скрутили руки строительными стяжками и увезли.

Через несколько дней государственное телевидение показало «разоблачительный» сюжет. Там говорилось, что Степан Латыпов планировал воспользоваться опасными химикатами, чтобы травить силовиков.

Уже в суде он рассказал, что происходило в том самом микроавтобусе, который увозил его из двора: «Затянули руки за спиной, надели на голову мусорный пакет. По пути дважды пересаживали из автобуса в автобус. Но это был мой район, и я знаю там каждый поворот. Потом они меня избивали, включили радио на всю громкость и начали меня бить. Никогда в жизни мне не было так страшно. Я кричал, задыхаясь в черном пакете, а они смеялись. Говорили: «Учим алфавит. Сейчас спрашиваем букву А и начнем учить Б». Говорили: «Не кричи, твоя Тихановская не услышит». Когда было особенно больно, я вспоминал слова матери, она учила меня говорить себе: «Я маленький-маленький ежик, мне совсем не больно».

Степана Латыпова 51 день держали в «пресс-хате». А он 51 день просился в карцер, потому что даже условия в карцере казались ему менее невыносимыми, чем в той «хате». И в первый день суда, 1 июня, Степан «вскрылся». Его увезли в больницу и сделали операцию. А потом отправили на судебно-психиатрическую экспертизу. Разумеется, его признали психически здоровым.

В суде во время последнего слова он рассказал, что это было на самом деле: «Никого не смутило и то, что всю первую половину заседания я плел кляп, который нужен был, чтобы уйти достойно, не скулить от боли. Было больно. Безумно больно и страшно. Потом дернул за ногу конвоир, я ударился головой и упал. Было больно, страшно и очень стыдно. Очень стыдно, потому что попытка вышла неудачной».

Кстати, никаких химических атак на омонские цепи в обвинении не было. Было участие в дворовом чате, с помощью которого Латыпов якобы организовывал действия, нарушающие общественный порядок. Еще было сопротивление сотруднику правоохранительных органов (правда, тот сотрудник под псевдонимом Петров). И, чтобы срок был побольше, — мошенничество в особо крупных размерах: будто бы Степан Латыпов боролся с борщевиком с помощью несертифицированных химикатов.

В суд в качестве свидетеля вызывали даже бывшую жену Степана Екатерину. Не знаю, что хотел услышать судья, но Екатерина сказала просто: «Степа — самый лучший человек, с открытой душой и добрым сердцем». Потом судья спросил, есть ли у обвиняемого вопросы к свидетелю. Степан сказал: «Свидетель, знаете ли вы, что обвиняемый прожил с вами лучшие годы своей жизни?» Судья сделал замечание. А спустя несколько дней вынес приговор. Восемь с половиной лет.

Удивительное дело: телефонные разговоры Степана, как выяснилось в суде, прослушивали с июня прошлого года, когда не было еще ни «площади Перемен», ни многотысячных акций протеста, ни дворовых чатов, ни сопротивления. Прослушивали просто так, чтобы узнать рецепт борьбы с борщевиком?

Я не знаю, сколько просидит Степан Латыпов. Точнее, знаю: столько же, сколько Виктор Бабарико, Сергей Тихановский, Николай Статкевич, Мария Колесникова и еще тысячи белорусов, арестованных и осужденных за последний год. Это, по моему, понятно всем. Я о другом — о том, как мы все тесно связаны. Степан Латыпов дарил цветы женщинам на Комаровке в то самое время, когда неизвестные художники рисовали в его дворе мурал с «диджеями перемен». И если говорить о Степане, то нужно обязательно говорить об убитом спустя два месяца после его ареста Романа Бондаренко — соседе по двору. А если говорить о Романа Бондаренко, то нужно непременно вспомнить врача Артема Сорокина и журналистку Катерину Борисевич, которые рассказали обществу правду о нуле промилле в крови убитого Романа и сели в тюрьму за нее — за ту самую правду, которую пытались измазать дерьмом государственные пропагандисты. А если говорить о той правде, то нельзя не вспомнить журналисток «Белсата» Катю Андрееву и Дашу Чульцову, которые вели стрим из того самого двора после убийства Романа Бондаренко, а теперь сидят в гомельской колонии за тот стрим.

Так можно нанизывать события и истории до бесконечности. Потому что мы все за прошедший год оказались связаны так, как никогда прежде. Причем не какими-то эфемерными невидимыми нитями, а тяжелыми железными цепями. Эти цепи рано или поздно будут разорваны. А вот связи — уже никогда.

Ирина ХАЛИП,
соб. корр. «Новой» по Беларуси

«НОЛЬ СДЕЛОК С СОВЕСТЬЮ»

ЖУРНАЛИСТ ИВАН САФРОНОВ ПРИСЛАЛ
В РЕДАКЦИЮ «НОВОЙ» СТАТИСТИКУ СВОЕГО
ПРЕБЫВАНИЯ В СИЗО ЛЕФОРТОВО

Обвиненный в госизмене Иван Сафронов находится под стражей больше 13 месяцев — его арестовали 7 июля 2020 года. На момент задержания Иван успел поработать советником главы «Роскосмоса» около двух месяцев, но дело о госизмене, как было неоднократно заявлено официально, касается того времени, когда он был журналистом — много лет работал специальным корреспондентом ИД «Коммерсантъ» и газеты «Ведомости».

Следствие считает, что в 2017 году Сафронов передал чешской разведке секретные данные о военно-техническом сотрудничестве России в Африке и деятельности Вооруженных сил России на Ближнем Востоке. Иван Сафронов свою вину не признает: он отказался от каких-либо сделок со следствием, включая предложение следователя о единственно возможном разговоре с матерью в обмен на «сотрудничество».

Согласно последнему решению суда Сафронов будет находиться в СИЗО Лефортово до 7 октября 2021 года.

Иван прислал в редакцию «Новой газеты» своеобразную статистику своего заключения. Мы публикуем ее без изменений.

- Более 365 дней в заключении.
- Около 365 раз слышал фразу «Отбой».
- Около 365 раз слышал фразу «Подъем».
- Более 2000 писем было получено.
- Более 1600 писем было написано.
- Более 300 книг прочитано.
- Более 146 ручек исписано.
- Более 13 тетрадей исписано.
- Более 1000 раз мыл посуду.
- Около 250 раз мыл пол в камере.
- Более 150 раз стирал белье в тазике.
- Более 50 раз сходил в душ.
- Более 100 раз точил пластиковый нож чем попало.
- Около 20 минут потратил на настройку ТВ в камере.
- Было 5 соседей.
- Более 10 камер сменил.
- Около 20 раз виделся с адвокатами в СИЗО.
- Более 365 раз засыпал с улыбкой.
- Заключил 0 сделок с совестью.

Ведомости / ТАСС

право на ответ

НЕУЛОВИМЫЙ СПОЙЛЕР

В чем прав и не прав Владимир Пастухов в оценках Владимира Путина и его режима

Владимир Путин, у которого есть все, хочет теперь последнего: остаться в истории. Но он сам лишает себя этой возможности: история — тоже часть европейского проекта просвещения. Противопоставляя себя Европе, Россия оказывается в мифологическом пространстве, где время пошло вспять, и тут уж придется выбирать, оставаться ли в истории или в музее.

Владимир Пастухов не первый, кто задается загадкой неуловимой харизмы Путина и объясняет ее особыми качествами большинства российского народа: «имперским тщеславием, приверженностью автократии и привычкой к патернализму». Между тем народ разный — смотря, какое на дворе время.

О «большинстве» Пастухов рассуждает с позиций меньшинства, а именно интеллигенции, которой «следует вслушаться в ропот масс и поймать лейтмотив исторического момента». Поймав, надлежит сделать ставку на того, кто «умеет играть на «трех блатных аккордах», сформулированных выше, так как ни у кого другого в заданном «народом» коридоре выиграть предстоящую в обозримом будущем гонку преемников шансов все равно нет.

А вот эта же мысль об интеллигенции, но сформулированная прямее и раньше: «Нам не только нельзя мечтать о слиянии

с этим народом, — бояться мы его должны пуще всех казней и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной», — писал Михаил Гершензон в легендарном сборнике «Вежи» в 1909 году.

Мысль о двух народах, живущих в России, в одной из своих прежних работ продолжил Пастухов, определив эти два народа (успевшие несколько раз мутировать): одного как пользующегося благами «системы», а другого как ими не пользующегося. Такой марксистский разрез действительно кое-что объясняет и делит нас всех без остатка. Уточнения требуют лишь то, что сегодняшние «несистемные», в отличие от бывшего «пролетариата», часто, если не в большинстве, выбирают свое изгойство добровольно — для них главной ценностью остается свобода, а не те материальные блага, которые они все еще могут получить в обмен на отказ от нее.

Это русские европейцы, они же «иностранные агенты», их потенциально 14 процентов, на что также указывает Пастухов, а я бы тут добавил, что это примерно 20 миллионов, если считать с теми, кто живет не в России. Остальные, называющие себя «православными», «патриотами», а на высоких ступенях их

лестницы «государственниками», — это и есть собственно русские, кто тоже мыслит (если мыслит) в европейской парадигме за отсутствием в исторической России какой-то иной, но считает свое догоняющее развитие обидным и испытывает к мифической же Европе смесь зависти и злобы: ресентимент.

Это главная «струна», с которой резонирует Путин, и именно она делает мелодию такой родной. Пастуховские «три аккорда» в последнее время удаются ему хуже, особенно «патернализм». В глазах той части электората, которая отвержена президенту от чистого сер-

дца, он легитимен как мститель, что народ и выразил радостной формулой «Можем повторить!».

Эта восторженная агрессивность жаждет объекта. До войны, слава богу, пока не дошло — рациональный Путин понимает, что «повторить» мы, пожалуй, в случае чего и не сможем. Вся агрессия обращается на русских европейцев, которых, по Гершензону, когда-то спасало правительство — когда еще понимало, что именно они создали ту культуру, величие которой признано в европейской ойкумене. Они же совершили и революцию, ставшую продолжением проекта просвещения, и создали ту самую ЧК, которая произвела мстителя таким, каков он есть.

Так на кого же «делать ставку» в «коридоре»? Вопрос поставлен с позиций борьбы за власть. А интеллигенции противопоставлена власть, которая сразу переводит ее обладателя в класс «пользующихся благами», но и боящегося их потерять. Нужна ирония, которая при поздних советах роднила интеллигенцию с «народом», пересказывавшим сочиненные ею анекдоты.

«Люмпен-элиты» (термин Пастухова) сделали ставку на «Уралвагонзавод» еще в 2012 году, что отодвинуло Россию с европейского пути значительно дальше, чем при советах — притом что он остается для цивилизации не единственным, но пока магистральным. Если, как утверждает Пастухов, Россия и спустя десятилетия будет неминуемо похожа на себя сегодняшнюю, это значит, что ее просто не будет — во всяком случае на культурной карте мира.

Леонид НИКИТИНСКИЙ,
обозреватель «Новой»

РЕЦЕНЗИЯ
СТАЛИНА
НА ПОВЕСТЬ
АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

«НАКАЗАТЬ И АВТОРА, И ГОЛОВОТЯПОВ...»

**Никита
ПЕТРОВ**
историк
специально
для «Новой»

Очень нужны были советской власти «инженеры человеческих душ», как когда-то о писателях затейливо высказался Юрий Олеся. Сталин эту фразу подхватил. В начале 1930-х административными усилиями началось объединение разношерстной писательской братии в единый союз «советских писателей». Их задача — художественным словом воспевать социалистические преобразования.

Может быть, и не все были к этому готовы, но советская власть покупала писателей с потрохами. В обстановке полуголодной страны с тотальным дефицитом это было очень просто и называлось — создать условия для творчества.

Вернувшись в Москву после долгого отсутствия, Корней Чуковский с удивлением записывает 24 ноября 1931 года в дневнике: «Похоже, что в Москве всех писателей повысили в чине. Все завели себе стильные квартиры, обзавелись шубами, любовницами, полюбили сытую жирную жизнь».

А вот писателя Андрея Платонова с благами обошли. И причина тому — гневная сталинская резолюция на журнальном отпуске его повести «Впрок». Сталин писал: «К сведению редакции «Красная н[овь]». Рассказ агента наших врагов, написанный с целью раз-

Он стал нем. Так просто оказалось сломать жизнь человеку одной лишь резолюцией.

А что же в повести? Романтическое изображение мечтаний деревенских голодранцев. Поэтизация босячества. Невыразимая прелесть и образность и в то же время какая-то щемящая тоска в картинках сельского быта. Нет, не такой хотел видеть деревню Сталин. Ему хотелось социалистической идиллии, примитивной, но веселой и приятной. Два десятилетия спустя Сталин был в восторге от фильма «Кубанские казаки» (реж. Пырьев, 1949). Вот! Вот такой он хотел видеть зажиточную колхозно-совхозную жизнь. И напрасно Хрущев пытался его робко увещевать, дескать, индейку в фильме едят артисты, а куплена она на деньги Министерства кинематографии...

Сталину эстетически была чужда платоновская образность. Но еще хуже, в первых строках замечание Платонова, что он выбрал глаза героя, который «способен был ошибиться, но не мог солгать». Сталинская максима была совсем другой — можно лгать, но нельзя ошибаться!

Косноязычие своих героев Платонов поэтизирует, делает настоящей литературой. Более того, не скрывает своей симпатии к ним. Язык крестьян насыщен словечками новояза, подчеркнутыми из газетных передовиц и радиопропаганды. Наверное, можно назвать Платонова первым советским «писателем-деревенщиком». С другой стороны, городской бытописатель Зошенко, скорее наоборот, отстраненно и холодно смеется над своими героями, их языком и повадками, нанизывает все новых и новых персонажей на булавку, как энтомолог.

« АВТОР НЕ ПРОСТО ЕРНИЧАЕТ
И ИЗДЕВАЕТСЯ, ВСЕ ГОРАЗДО
ХУЖЕ — ОН ПЕРЕДРАЗНИВАЕТ

венчания колхозного движения и опубликованный головоотяпами-коммунистами с целью продемонстрировать свою непреодолимую слепоту. И. Сталин.

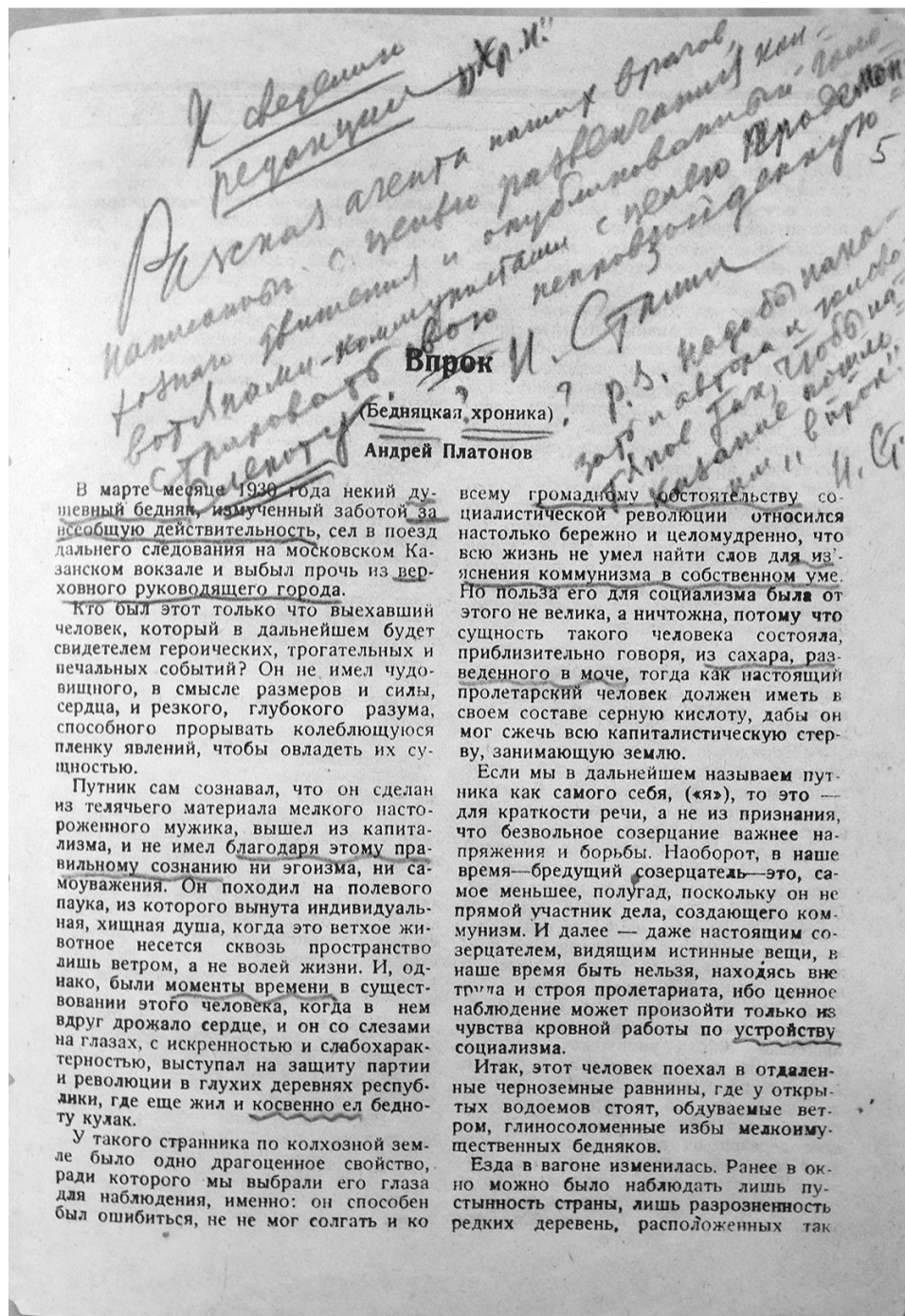
P.S. Надо бы наказать и автора, и головоотяпов так, чтобы наказание пошло им «впрок».

Сталин любил такие шутки. Очень удачно вышло — обыграл название повести «Впрок». Вот и наказание пусть будет с запасом — на всю писательскую жизнь. Так и вышло. Платонова «проработали» на писательском собрании, травили в прессе за, как ее переименовали, — «кулацкую хронику». Платонов каялся, писал письма Сталину, Максиму Горькому, но ответа не получил.

Писатель замолчал надолго. Его лишили читателей, перестав печатать.

Но что особо разозлило Сталина? Вот небольшой фрагмент повести «Впрок», как будто от имени героя: «Здесь я пользуюсь обстоятельствами, чтобы объявить истинное положение: перегибы при коллективизации не были сплошным явлением, были места, свободные от головокружительных ошибок, и там линия партии не прерывалась и не заезжала в кривой уклон. Но, к сожалению, таких мест было не слишком много. В чем же причина такого бесперебойного проведения генеральной линии?»

Ну и что тут скажешь? Автор не просто ерничает и издевается, все гораздо хуже — он передразнивает. Передразнивает того, кто всерьез писал на страницах главной партийной

Записка Сталина в редакцию журнала «Красная новь» о повести Андрея Платонова «Впрок» [1 июня 1931 г.]*

газеты об «уклонах», о «сплошной коллективизации» и «головокружении от успехов».

На первый взгляд у Платонова в повести все более-менее гладко и благобно. Колхозная жизнь дана глазами советского пилигрима в романтично-идеализированном виде. Но если вчитаться в диалоги героев, всмотреться в изображаемые детали быта и описание нравов — предстает картина Босха со всей средневековой дикостью и вековой отсталостью. Причем — картина, сдобренная изрядной долей исковерканной партийно-коммунистической фразеологии.

И все же Сталин был не прав. Повесть не была написана «агентом наших врагов». Ее писал очень талантливый худож-

всему громадиному обстоятельству социалистической революции относился настолько бережно и целомудренно, что всю жизнь не умел найти слов для изъяснения коммунизма в собственном уме. Но польза его для социализма была от этого не велика, а ничтожна, потому что сущность такого человека состояла, приблизительно говоря, из сахара, разведенного в моче, тогда как настоящий пролетарский человек должен иметь в своем составе серную кислоту, дабы он мог сжечь всю капиталистическую стерву, занимающую землю.

Если мы в дальнейшем называем путника как самого себя, («я»), то это — для краткости речи, а не из признания, что безвольное созерцание важнее напряжения и борьбы. Наоборот, в наше время — бредущий созерцатель — это, самое меньшее, полугад, поскольку он не прямой участник дела, создающего коммунизм. И далее — даже настоящим созерцателем, видящим истинные вещи, в наше время быть нельзя, находясь вне трула и строя пролетариата, ибо ценное наблюдение может произойти только из чувства кровной работы по устройству социализма.

Итак, этот человек поехал в отдаленные черноземные равнины, где у открытых водоемов стоят, обдуваемые ветром, глиносоломенные избы мелкоимущественных бедняков.

Езда в вагоне изменилась. Ранее в окно можно было наблюдать лишь пустыньность страны, лишь разрозненность редких деревень, расположенных так

ник, движимый лучшими побуждениями и романтическим порывом воспеть новый путь. В действительности на селе было много хуже, чем даже в платоновской повести, — и в ужасах издевательств начальства, и в бесправии колхозников. И как тут не вспомнить известную шутку о крестьянах, выбирающих название своему колхозу. Кто-то вдруг предложил — давайте назовем колхоз именем Лопе де Вега. Его с недоумением спросили — почему, что это имя значит? А он в ответ — да сам не знаю, но уж больно на ... твою мать похоже.

* Сталин. Революция сверху: от «великих строек коммунизма» к «Большому террору». 1929–1938 / Отв. ред. А.К. Сорокин. М., 2019. С. 89.

прыжок в будущее

ПОЛИТИКА СТЕНЫ

Кто и зачем внушает людям,
что «есть мы, и есть они»

13 августа 1961 года началось возведение Берлинской стены — 30 лет она стояла, пока в 1989–1990 гг. её сперва не прорвали, а затем не снесли. С тех пор Стена оставалась, кажется, символом ушедшего времени — железных куполов, инноваций, ядерных кризисов, шпионского моста. Но вот — август 2021 года — и, кажется, холода вернулись. Нет сегодня метафоры более подходящей для нашего положения дел, чем снова Стена и стены.

Современные стены, конечно, устроены гораздо сложнее бетонных блоков и концлагерных вышек. Они сочетают в себе препятствия как физические, так и информационные, цифровые, культурные. Они сдерживают, ну или пытаются сдерживать, передвижение не только людей, но и, в первую очередь, идей. Арсенал информационной блокады, собранный тотальными государствами XX века, расширен и дополнен. Помимо средств сдерживания — траншей суверенного интернета, китайского файервола, цензурных блокировок при отсутствии цензуры — возникли средства нападения.

Те, кто правит из кремлевского укрепленного района или «нового запретного города» Чжуннаньхя (как впрочем и те, кто хотел построить что-то подобное на границе с Мексикой), — знают, что статичные стены подвержены эрозии. Чтобы стоять на месте, учила Черная Королева, нужно бежать. Так и новые стены, чтобы эффективно ограждать домены власти, должны находиться в постоянном движении.

Как навстречу лесному пожару пускают встречный пал, так и для обороны от чуждых, вредных, угрожающих идей нужно вести перманентную контратаку. Можно сказать, «пропаганду», но такое название преуменьшает ее силу. Точнее — это попытка, и весьма успешная, построить Стену в сознании людей.

У этой мировоззренческой Стены, столь желанной и выгодной старорежимным политикам, есть две основы. Одна вроде внешнего рва: тяжело преодолимое, но видимое препятствие. Вторая — вроде фундамента, который останется даже после того, как саму стену сметут, — и дожидется, пока строители вернутся и натянут колючую проволоку по готовой разметке.

Первая — дезавуирование правды. Людей по одну сторону Стены убеждают, что жизнь по другую сторону ничем не отличается. Фабрики троллей, лавины посправды, гибридный информационный терроризм — цель не в донесении своей повестки, а в уничтожении чужой. Не случайно русские конспирологи так любят выражение «управляемый хаос»: приписывая его «коллективному бжезинскому», они спят и видят, как бы самим научиться его порождать.

Ведь если все стороны одинаково плохие, какая разница, с какой стороны Стены вас определила случайность вашего рождения? Если истины нет нигде, все одинаково порочны, с мнением людей не считается никто и нигде, то и наша Стена отделяет не Мордор от Гондора, а Мордор от Изенгарда. С этим заблуждением («обратный карго-культ»), как выражается Екатерина Шульман, можно бороться: не принимать рассказы о «жизни за Стеной» на веру, а снаряжать экспедиции — физические, цифровые, идейные.

AP / TASS

Вторая основа — глубже. Фундамент «мира Стены» — подсознательная убежденность большинства в незыблемости текущего миропорядка. Государства существовали и ущемляли права граждан всегда. Войны были, есть, будут вечно. Есть Запад и есть Восток, и с мест они не сойдут. Виноваты не политики, не режимы, не алгоритмы решений и коррумпированные институты. Нет, виновата так называемая «человеческая природа», которая вроде как меняется внешне (интернет, новая экономика, гигиена), но внутри сидит все тот же пещерный дикарь, ему только дай волю, он тут же вцепится ближнему в глотку.

Конфигурация мира, как он есть, сложилась не случайно. Чтобы не допустить кровавых катастроф, сдержать возвращения первобытных ужасов, нам нужны эти Стены. Формы пусть меняются: но Запад ведь всегда будет против России, как ее не назови (империя, СССР, РФ...); всегда будет баланс сил, борьба за ресурсы; и попытки что-то глобально изменить — в лучшем случае наивность, в худшем — преступление.

Можно спорить о частностях: как надо было провести референдум в Крыму, тратить ли на ВПК или образование, дружить с ЕС или с Китаем, купить ноу-хау или изобретать свой велосипед; главное — вот есть мы, и есть они, и народы от природы разные, у всех разные «права», и нет «универсальных прав», и это никогда не поменяется, всё заблуждения, иллюзии.

Такой псевдоздравый пессимистичный взгляд любит маскироваться под «резвый», «циничный, но правдивый», «реалистичный». Но на самом деле это просто обманка Стены. Ее архитекторы хотят сбить нас с толку — навязать вопросы ее высоты и ширины, количества КПП и пайка застрельщиков. Что угодно, только бы мы не спросили: а нужна ли Стена в принципе?.. Демократии не существует, человек человеку волк, России нужна жестокая рука — ой, да что вы говорите?

Люди, которых в это реально верят, или которых убедили верить, живут в страшном мире. Впрочем, таким же страшным, неизбежным, естественным, вечным выглядел мир накануне Перестройки, и это тоже «было навсегда, пока не кончилось».

Кирилл ФОКИН,
специально для «Новой»

ПЫТКА

**ПОЧЕМУ ДОСТОЕВСКОГО СДЕЛАЛИ
ДЕТСКИМ ПИСАТЕЛЕМ? НАЧИНАЕМ
ДИСКУССИЮ О ШКОЛЬНОЙ
ПРОГРАММЕ ПО ЛИТЕРАТУРЕ**

Лето. Родители пытаются усадить детей за списки литературы, выданные в школе, дети сопротивляются как могут. Родители меряются в соцсетях количеством списочных книг и вопрошают: доколе детям будут отбивать школьной литературой желание читать? Аргументы с одной стороны — «пора выбросить из программы всю эту пыльную классику, бедные дети не могут это осилить», с другой — «вы хотите вырастить нацию идиотов, безразличных к собственной культуре».

Что в программе

Копья ломаются обычно вокруг вопросов «что надо выбросить из школьной программы?» и «что надо включить в школьную программу?», хотя логичней начать с вопроса, а что такое эта программа вообще.

Чему учить детей в школе — определяют ФГОС, федеральные государственные образовательные стандарты. Их новая версия только что появилась — в нынешнем июле («Новая» № 76 от 14 июля 2021. — Ред.). (Об этом — текст Антона Скулачева, председателя Гильдии словесников).

Я же лишь скажу, что прежняя версия ФГОС не содержала конкретного списка произведений по литературе, а только предъявляла общие требования к воспитанию квалифицированного читателя. Летом 2017 года в стандарт был включен единый список литературы с закреплением произведений по годам.

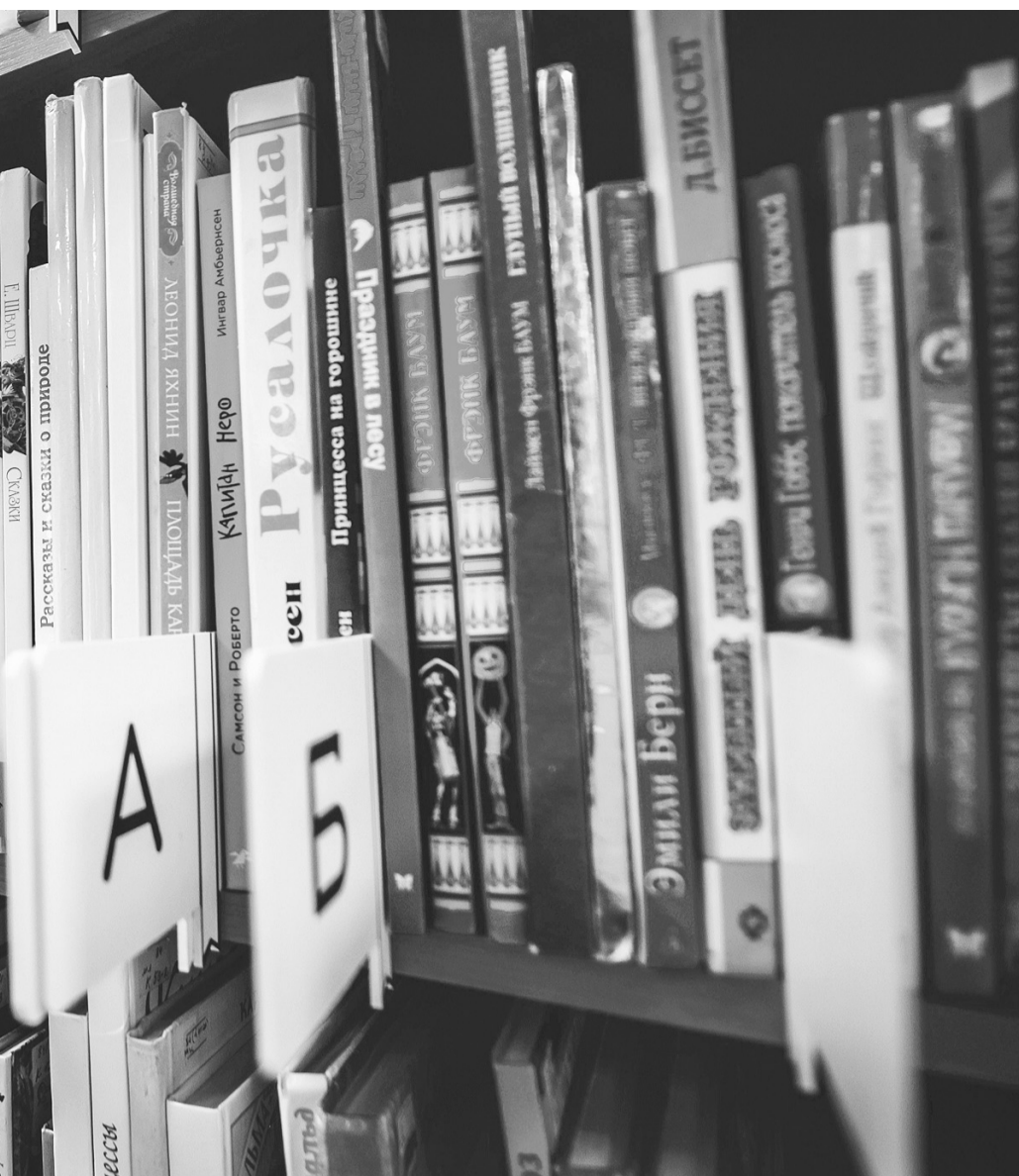
«Золотой список»

По сути, государство постоянно сводит обсуждение литературы в школе к вопросу «золотого списка» — перечня книг, которые школьник обязан прочи-

тать за 11 лет обучения. В него должны войти какие-то специальные произведения, которые сделают школьника к концу обучения альтруистичным, сострадательным, высокодуховным, культурным и патриотичным.

При этом в список нельзя допускать никаких спорных текстов, ничего содержащего намеки на сложные вопросы современности. Ведь «всем ясно», что ребенок — чистый лист: прочитает хорошую книгу и исправится, прочитает вредную — и испортится. А когда часов на литературу мало, включение современных авторов — это вообще диверсия против национального культурного кода: вы что, в самом деле хотите выбросить Фета и вставить Гиваргизова?!

Если задача школьника — прочитать правильную книгу и извлечь мораль, то смысл урока литературы — проверить знание текста и объяснить школьнику, как правильно его трактовать. (Текст при этом читать, кстати, оказывается, вообще не обязательно.) Правильные трактовки тоже желательно утвердить на государственном уровне, чтобы учитель не нес опасной отсебятины. А еще ученика надо научить писать тексты по образцу, из

РИА Новости

ПРЕКРАСНЫМ

которых будет видно, что предлагаемые ему «традиционные ценности» он усвоил.

Уроки литературы должны быть уроками этики и патриотизма: читаем книгу, обсуждаем образцы поведения, пишем сочинение о том, почему отдавать повозки раненым, как Наташа Ростова, — хорошо, а отказываться от присяги, как Швабрин, — плохо. Собственно говоря, именно так во многих школах страны обучение литературе и строится. А итоговое сочинение и сочинение в ЕГЭ по русскому как раз и становятся тем самым экзаменом по этике и патриотизму («Новая» № 62 от 9 июня 2021. — Ред.).

Чем ближе к тем высоким кабинетам, где принимаются самые спорные решения последних лет — изменения в Федеральных государственных образовательных стандартах, введение Всероссийских проверочных работ (ВПР), внедрение обязательного итогового сочинения, — тем сильнее у начальства иллюзия, что это абсолютно рабочая схема.

Нет, там, вероятно, понимают, что детям не очень легко прочитать тексты из «золотого списка». Но что же мы — будем потакать их лени и нежеланию учиться? Нет, мы их заставим читать: для этого и сочинение, и ВПР по литературе. Не хочешь любить великую русскую литературу — заставим.

Орешек знания тверд

Чем ближе к реальным детям, реальной практике детского чтения, реальной урокам литературы — тем яснее видно, что эта схема не работает. В условиях, когда книга давно перестала быть единственным источником информации о мире, когда дети живут в условиях информационного переизбытка, только и успевают отбиваться от информации, завернутой в блестящие фантики и атакующей их со всех сторон, у них не вырабатывается навык искать труднодоступную информацию, облеченную в сложную форму, и перерабатывать ее. Помните? «Орешек знания тверд, но все же мы не привыкли отступать!» О нет,

нынешние дети не будут даже пытаться колотить этот орешек: зачем, если кругом полно очищенных и обжаренных?

А классическая литература для них — это твердый орешек. Детям XXI века классика века XIX так же непроходимо непонятна, как поколению их родителей и дедов, выросших в XX веке, непонятны тексты века XVIII: вряд ли кто-то из нас, даже филолог, вне рабочей надобности станет для удовольствия читать Третьяковского, Хераскова или Озерова. Изменился язык, изменились реалии — и, входя в мир старой книги, ребенок ощущает себя иностранцем, если не инопланетянином: он не понимает, что это за люди, чем они живут, о чем говорят, что вообще происходит. В том мире совершенно другой ритм жизни, с которым ребенок с непривычки не может

**ГОРАЗДО ИНТЕРЕСНЕЕ ОТВЕТЫ
НА ВОПРОС «ЧТО БЫ ВЫ ДОБАВИЛИ
В ШКОЛЬНУЮ ПРОГРАММУ?».
ПРЕДСКАЗУЕМО ЛИДИРУЕТ
«ГАРРИ ПОТТЕР»**

справиться: здесь все медленно, многословно, здесь полстраницы занимает описание восхода солнца, здесь, в конце концов, не происходит вообще ничего. Естественно, на пятой странице ребенок захлопывает книгу с воплем «За что мне это?!».

Большинство текстов, входящих в школьный канон, вообще изначально для детского чтения не предназначались. Дети их ненавидят, к примеру, за долгие и медленные описания природы (причем достается не только Тургеневу и Пришвину, но даже Бианки). Что плохого в описании природы? Ничего, но это не для детей: и потому, что возрастные психологические особенности заставляют ребенка предпочитать действие описанию, и потому, что любованию природой — это особый опыт,

требующий некоторой зрелости, и потому, что создание в уме картины по описанию — это сложный нейропсихологический процесс. И главное, потому, что современный ребенок, особенно ребенок городской, не отличит яровых от озимых, не знает, как соотносятся друг с другом гумно, рига и оwin, не поймет, что такое сжатая нива и вспаханное поле, не слышал жаворонка, не сиживал у очага и не леживал на печи — это все тоже для него инопланетный опыт.

И взрослые проблемы XIX века чрезвычайно далеки от жизни современного школьника. А многие тексты ребенка со своим жизненным опытом вообще не в состоянии осмыслить. Типичный пример — хрестоматийный рассказ «Муму», который только напрасно травмирует пятиклассников или шестиклассников безысходностью собачкиной судьбы. Для них непонятен смысл крепостной зависимости, непонятно, почему Герасим не мог послушаться барыни и уйти вместе с собачкой; ребенку не понять, как можно обрести свободу, потеряв все, — большинству из них, слава богу, вообще еще не очень понятно, что такое «потерять все». И вполне естественно, что «Муму» оказывается вечным лидером опросов «Какой текст вы бы убрали из школьной программы» или «Самое ненавистное произведение». Кстати, у старшеклассников лидеры свои — в них обычно попадают Толстой и Достоевский: первый — за объем, второй — за мрачность.

К слову, об объемах: дети успевают читать только летом, на каникулах и когда болеют. В остальное время они делают

отечественной. Я каждый год спрашиваю своих школьников, какие книги они хотели бы обсудить на уроках или спецкурсах; как правило, запросы те же: больше зарубежной литературы, больше современной литературы. При этом федеральные стандарты устроены так, что хронологически последние зарубежные авторы, которых удастся обсудить на уроках, — это Гёте и Байрон; отечественных текстов XIX и XX веков оказывается так много, а времени на работу с ними так мало, что вклиниться удается только Оруэллу или Хаксли в параллели с замятинским «Мы».

Что хотел сказать автор

Вопрос списков бесконечно навязывается и сверху, и снизу: главный запрос родителей — дайте список: список чтения на лето, список лучших старых детских книг, лучших современных, список, что читать девочке восьми лет про животных... Но вопрос списков — вообще не главный вопрос в преподавании литературы в школе.

Вот буквально на днях я разговаривала с коллегами из Германии, которые работают с билингвами — детьми, которые учатся в немецких школах, но по-русски и говорят, и читают. Их родители заинтересованы в том, чтобы дети сохранили русский язык и ощущение причастности к русской культуре. У них ровно те же проблемы, что у российских родителей: детям скучно, дети не хотят читать, не понимают русской классики без словаря. Но, в отличие от российских родителей, у них нет инструмента принуждения: они не могут пугнуть двойкой по литературе, несданным ЕГЭ, проваленным ВПР. А задача перед ними та же стоит: как вырастить любовь к русской культуре, к русской литературе, к России, которая для этих детей — еще и полужаночная, непривычная, далекая. Эта любовь не вырастается насильем, запугиванием и прямой проповедью. А чем же она вырастается?

Вот тут и начинается самое интересное: как сделать далекую и чужую классику близкой и родной? Как показать ошарашенному школьнику, который заглянул в чужой непонятный мир, что в нем живут такие же люди, как и он сам, и их волнуют такие же сложные проблемы? Как провести его по этому миру, чтобы он начал понимать его язык и нравы, адаптироваться в нем? Чем помочь ему? Какие тексты ему дать, чтобы не отпугнуть его с самого начала? Как научить его любить и понимать стихи? Как выращивать в нем умного, самостоятельного читателя? Вездь художественный текст — это не набор «кейсов» для урока этики. Это отражение жизни во всей ее сложности — и не всегда отражение реалистично: оно несет отпечаток времени, языка, культуры, выбранного автором метода, жизненных обстоятельств автора. Это отражение — мастерское или халтурное. Как научить ребенка разбираться в этой системе зеркал? Как помочь ему понять, где талантливо, а где бездарно? Как воспитать в нем вкус, как научить его чувствовать радость и удовольствие от хорошей книги? Как разобраться в том, что любит он сам, почему и за что он это любит? Как найти точки пересечения его культурного мира и своего?

Вот это все, а не окончательное цемнтирование «золотого списка», — самый важный предмет для профессионального обсуждения. Без этого преподавание литературы сведется к примитивной моральной проповеди, к унылому разговору о том, правильно или неправильно ведут себя герои, что хотел сказать автор и чему нас учит эта книга.

Ирина ЛУКЬЯНОВА,
учитель литературы, «Новая»

ОТ РЕДАКЦИИ

Этим материалом мы открываем дискуссию: «Почему дети не читают и как им помочь полюбить книги?»

Марина ТЕРЕХОВА, кандидат филологических наук, учитель литературы, МГПУ:

«МАМ, Я НЕ МОГУ ЭТО ЧИТАТЬ БЕЗ СЛОВАРЯ»

Почему ребенка непременно надо «убить» русской классикой, задавить интерес к чтению танками? Мнение учителя

Владимир Смирнов / ТАСС

— Я работала в обычной школе, в элитной и в частной. В обычной школе, как ни странно, у меня было больше свободы: можно было что-то пустить под нож, чему-то уделить больше внимания, если текст детей зацепил, можно было пожить в нем. Но при этом мне всегда казалось безумием стремление сделать из детских мозгов библиотеку, поддерживать насилие золотым фондом русской литературы. Из элитной школы я убежала через девять месяцев, в частной продержалась две недели. Там свободы оказалось еще меньше.

Теперь я «тираню» своих детей литературой и учусь в магистратуре. Работаю с детьми в рамках дополнительного образования: учу их читать современную литературу, наблюдать за словом, изучать детали, останавливаться в чтении и думать, задавать вопросы и искать ответы.

Родительский запрос на работу со школьной программой все равно есть: кому-то важно сойтись в смертельном бою со списком летнего чтения, кто-то считает, что в школьной классике есть что-то такое, что научит и воспитает наших детей. История же показывает, что это не вполне так, и ежегодная попытка прекрасным продолжается.

Конечно, классика — это в первую очередь чтение трудное, для душевного и умственного труда. Во вторую очередь, если сложится, — это чтение для удовольствия. Но, на мой взгляд, важно сначала показать ребенку, что чтение — это невероятно интересно, что это хороший способ узнать себя и других, а уж затем научить его читать и понимать сложные тексты. А не наоборот.

Поэтому мы с сыном два месяца бились с «Тарасом Бульбой». Сейчас пытаемся осилить «Дубровского», «Шинель», «Станционный смотритель», «Судьба человека» — все это тяжелые тексты, их много, и я говорю сыну: я могу не помогать тебе с ними, но ты погибнешь в неравном бою, когда начнется школьная жизнь, ты просто не успеешь познакомиться с этими произведениями, не то что понять. Если хочешь — давай, я помогу тебе, мы посмотрим в исторический контекст, мы в нем поживем, мы посмотрим кино — как с одной из возможных интерпретаций. Нет, говорит, «я сам».

Целую неделю я вяло интересовалась, как идут дела у Тараса. Все, говорит, о'кей. Значит, прочитал не дальше второй страницы. Потом пошли с ним погулять — и тут вдруг его пробило поговорить, как глупо запрещать мангу: взрослые опасаются, что дети начинают ее и пойдут кого-то убивать. Но ведь тогда надо половину школьной программы запретить! И того же «Тараса Бульбу», говорю я. И сын спрашивает: а что, у него тоже там убивают? Ой, говорю, а что же там со старшим сыном-то происходит? Да все, говорит, нормально со старшим. Да ладно! — говорю. Тут он сознался: ну мам, я не могу это читать, это за каждым словом надо в словарь лезть! Ага, говорю, я тебе говорила, что не проредешься.

Когда мы смотрели «Тараса Бульбу», в том месте, где начался еврейский погром, сын с полными слез глазами нажал на паузу и спросил меня, почему же казаки, рассердившись на поляков, пошли бить евреев. Хорошо, что у меня за плечами факультет еврейских языков и культуры, хорошо, что я могла с ним поговорить о еврейском вопросе. Хорошо, что он знает о Холокосте от своего учителя общест-

вознания и даже писал в шестом классе доклад про Симона Визенталю. Но ведь в обычной школе на уроке такого разговора не будет, и все, вероятно, сведется к разговору о том, как прекрасен патриотизм и что нет уз святее товарищества.

Еще один момент: у детей ведь нет летнего списка литературы ни по географии, ни по английскому языку, ни по математике. Сейчас широкий выбор прекрасного научпопа, который интереснее учебников. Но школа традиционно выдает список литературы по литературе. Может, это потому так, что программы по остальным дисциплинам сбалансированнее? Может, стоит сократить объем программных текстов, но зато на оставшихся важных произведениях научить детей читать глубоко, вдумчиво, открывать смыслы, видеть красоту слова, силу синтаксиса? Конечно, есть коллеги, которые включают в этот список и современные тексты, которые, по их мнению, могут заинтересовать ребенка.

Почему же ребенка непременно надо «убить» русской классикой? Чего мы хотим добиться? Это какие-то абьюзивные

«**БЫТЬ МОЖЕТ, ЕСЛИ БЫ НАШИ ДЕТИ НЕ ЧИТАЛИ В ШЕСТОМ КЛАССЕ «МУМУ», МЫ БЫ ПОЛУЧИЛИ БОЛЕЕ СЧАСТЛИВЫХ ВЗРОСЛЫХ?»**

отношения с литературой, многие дети потом к классике уже не подойдут: у них уже сформировалось убеждение, что русская классическая литература — это не про удовольствие. А ведь оно бывает такое разное: одно — от легкого текста, который разгружает мозги, дает возможность отключиться от внешнего мира; другое — особое — удовольствие от чтения текста многоуровневого, когда читая — трудишься, думаешь, радуешься обнаруженным параллелям с другими текстами культуры, узнаешь что-то неожиданное о себе самом.

И ведь я не скажу, что у меня не читающий ребенок. Он хорошо ориентируется в современной детской литературе, он отлично ловит цитаты в компьютерных играх. Но с сыном хотя бы можно договориться. А дочь я в начале четвертого

класса забрала в заочное отделение школы «Наши Пенаты». Там есть список рекомендованного чтения, и он классный, и даже не надо, чтобы взрослый вел ребенка сквозь него, не нужна подготовительная работа. Обсудить, почитать вслух наиболее понравившиеся фрагменты — о да! Но принуждать читать то, что непременно спросят, — не надо.

Я вижу, что у многих детей нет интереса к классической литературе: его давят на корню танками, внушая детям, что они должны (кому? почему?) прочитать и прийти к «правильным» выводам. Я думаю, пусть сын хотя бы почитает это со мной. Пока я ставлю перед собой и перед ним задачу-минимум: вот мы за лето читаем и разбираем в спокойном режиме три больших текста, а потом ориентируемся на местности.

На прошлой неделе меня приглашали на зум-разговор на тему «Как нам приохотить детей к чтению». Поразительно, что никто не ставит перед собой вопрос «зачем?». Я сказала, что невозможно тормозить эволюцию. В XIX веке все культурные люди знали Тредиаковского, сейчас

культурные люди далеко не всегда его знают. Почему мы вцепились такой мертвой хваткой в «золотой запас»? Почему он для нас — как будто статуя в Эрмитаже: можно только смотреть и восхищаться? А если нет — ну о чем с тобой говорить, раз ты не читал «Мертвые души»!

Одно время я работала в библиотеке и заметила, что многие коллеги не очень хорошо ориентируются в современном литературном процессе. У нас в фонде было сто томов «Лесной газеты» Бианки и не было ни одного «Цапки». Нам выделили деньги на обновление фондов, я пригласила к нам людей, которые увлеченно рассказывают о современной литературе. Библиотекари слушают и говорят: «Ну, вот если мы детям покажем эти книжки, так они Пушкина и Тургенева вообще

читать не будут, а Лермонтова и подавно!» А что произойдет, если все-таки дети не прочтут произведения этих авторов? Мы сделали из классики золотого тельца, как евреи когда-то, потеряв веру, позолотили тельца и стали ему поклоняться.

А литература — это живое. Любовь и насилие — несовместимы. И совершенно непонятно, как сбереечь в ребенке читателя в условиях, когда читать надо по списку, быстро.

Учителей все время обличают, что они не знают современной литературы. Это не вполне справедливо. По «Методической копилке» я вижу, как все больше и больше коллег ищут способы ввести современную нашим детям литературу в класс, как много прекрасных идей словесники приносят! Но пока я работала в школе, я и не успевала ничего нового читать. Когда вырвалась — набрала в книжном магазине классных подростковых книжек и запоем читала.

Учителей нельзя обвинять: они работают от рассвета до заката, чтобы получать хоть сколько-то достойную оплату своего очень нелегкого труда, но как часто эта работа превращается в штамповку деталей... Мы все время бежим. Бежим сами и заставляем бежать детей. А ведь это живые дети. Вот я смотрю, на каких текстах их учат русскому языку. Сплошь природа, Родина и извечные страдания человека с русской душой. Я однажды увидела мем: «Быть может, если бы наши дети не читали в шестом классе «Муму», мы бы получили более счастливых взрослых?»

Пожалуй, если бы мне дали класс и полную свободу действий, я бы сначала посмотрела, что это за дети, познакомилась, пообщалась, узнала бы, чем они живут, что их беспокоит, а потом бы начала с качественного текста. Не про скрепы, а хорошего грамматически, с выразительным, образным языком, хорошо построенного, осмысленного. А потом бы от него уже шла к классическому тексту. А с другим классом, может быть, мы бы читали что-то совсем другое, но читали бы, проживали, переживали. Я шла бы от ребенка: что его беспокоит, зачем ему читать, что ему это дает, на какие его запросы это отвечает. А потом он сам пойдет к полке и возьмет книгу — я в этом свято уверена.

Лев ФЕДОСЕЕВ / ТАСС

ПОЧИТАЙ СВОЮ РОДИНУ

Как устроен стандарт по литературе? Отвратительно, но зато очень легко для проверяющих

Чему учить детей в школе, определяют ФГОС — федеральные государственные образовательные стандарты. Их новая версия только что появилась — в нынешнем июле («Новая» № 76 от 14 июля 2021. — **Ред.**).

Прежняя версия ФГОС не содержала конкретного списка произведений для уроков литературы, а только предъявляла общие требования к воспитанию квалифицированного читателя. Летом 2017 года в стандарт был включен единый список с закреплением произведений по годам.

Содержание конкретизировалось в Примерной общей образовательной программе (ПООП), которая допускала небольшую вариативность. Это было удобно создателям рабочих программ — авторам учебников, учителям, которые предпочитают не брать чужие программы, а разрабатывать свои. Но неудобно для проверяющих: оказалось, что по литературе практически невозможно создать контрольно-измерительные материалы для проверочных работ и государственных экзаменов, основанных на текстах, которые все школьники гарантированно читали. Так что под разговоры о том, что вариативность разрушает единое образовательное пространство страны, перед Минпросом была поставлена задача: уточнить содержание федеральных стандартов. Этим с конца 2016 года занималась рабочая группа под руководством Н. Солженицыной.

Летом 2017 года внезапно — неожиданно даже для членов рабочей группы — был опубликован новый проект ФГОС, который вызвал общее возмущение школьных словесников и академических филологов. Особое возмущение вызвало то, что в стандарт был включен единый список литературы с закреплением произведений по годам, а это вообще лишало учителей всяких прав отступать хоть на полшага в сторону, хоть как-то учитывать особенности конкретного класса.

Обсуждение стандарта шло несколько лет, и в результате в текст стандарта вошел компромиссный обязательный список без привязки по годам. А в примерную рабочую программу, на которую школы могут (и несомненно, будут) опираться, — практически в неизменном виде тот самый единый список образца 2017 года с четким распределением по классам. Но даже и этот консервативный, осторожный документ уже успел вызывать возмущение государственных чиновников: ведь в него включено несколько текстов современных детских писателей. А вдруг у них неподходящие политические взгляды?

О стандарте по литературе — Антон СКУЛАЧЕВ, председатель Гильдии словесников.

Антон СКУЛАЧЕВ,
председатель Гильдии
словесников:
«Никто ничего не станет
читать, кроме краткого
содержания»

ФГОС, принятый и утвержденный сейчас, — скорее компромиссный документ. Однако, помимо ряда грамматических и речевых ошибок, он содержит еще и поразительные формулировки: например, в разделе стандарта по истории встречается понятие «сложные девятые» — то есть в нормативный документ включен оценочный эпитет!

Что касается программы по литературе, то утвержденный стандарт — это тоже компромиссный вариант по сравнению с железобетонным стандартом 2018 года, подготовленным в Минпросе под руководством Ольги Васильевой. Список литературы в новом стандарте получился скорее комичный: видно, что составители ориентировались на учебник Коровиных, — например, именно оттуда взят рассказ Шукшина «Стенька Разин», который стал обязательным для изучения. А ведь Министерству просвещения не раз предлагали: давайте не будем называть в стандарте конкретные произведения, давайте назовем только имена авторов.

В результате получилась попытка зафиксировать содержание образования так, как Минпрос это понял: список, в котором наряду с А.С. Пушкиным перечислительно фигурирует Ю.П. Кузнецов, перечень, где нет ни одного современного имени, где у Чехова можно выбрать один рассказ, а у Шукшина без выбора два... Зато теперь на основе этих списков можно легитимно составлять задания ОГЭ и ЕГЭ.

Не могу не сказать, что в стандарте есть и прогрессивные моменты. Например, во ФГОС внесены формулировки личностных результатов, связанные с эмоциональным интеллектом, в том числе — «осознавать невозможность контролировать все вокруг». Мне кажется, будет замечательно, если и специалисты Министерства просвещения этому научатся.

Но основная драма разворачивается не на поле ФГОС, а на поле примерной программы. 10 июля в Закон об образовании были внесены поправки, в которых сказано, что школа может использовать не свою программу, а примерную рабочую программу — это новое в законе понятие.

«Примерная рабочая программа основного общего образования по литературе», разработанная Институтом стратегии развития образования РАО, — это, по сути, и есть «васильевский» ФГОС образца 2018 года, только хуже. Тексты намертво привязаны к классам и календарному планированию внутри года, а сама программа опирается на массовый, но совершенно устаревший даже по мнению умеренно настроенных учителей учебник: будь добр в 5-м классе дать детям «Муму», в 7-м — «Тараса Бульбу»...

Текстов очень много — больше, чем можно осмысленно прочитать, и в основном это XIX век: крестьянские дети, незнакомые современным школьникам реалии. В поэзии — только «тема природы» и «тема Родины». Ну, еще в 7-м классе дается «19 октября» Пушкина — когда у детей еще нет биографического контекста, когда они ничего не знают о лицейских друзьях поэта, а стихотворение на три четверти из этого биографического контекста и состоит.

Все произведения в примерной программе строго распределены по годам обучения, но при этом непонятно, почему «Тарас Бульба» изучается в седьмом классе, а «Капитанская дочка» — в восьмом: ведь «Тарас Бульба» сложнее по устройству текста, внутренне противоречивее, при этом в тексте есть определенные возрастные ограничения, совершенно жуткие сцены.

Содержание обучения в примерной рабочей программе распределяется не только по годам, но и по часам. При этом на серьезный и глубокий текст (скажем, на «Снежную королеву» Андерсена) может отводиться всего два часа. О каком вдумчивом разговоре, о каком приобщении к чтению может идти речь?

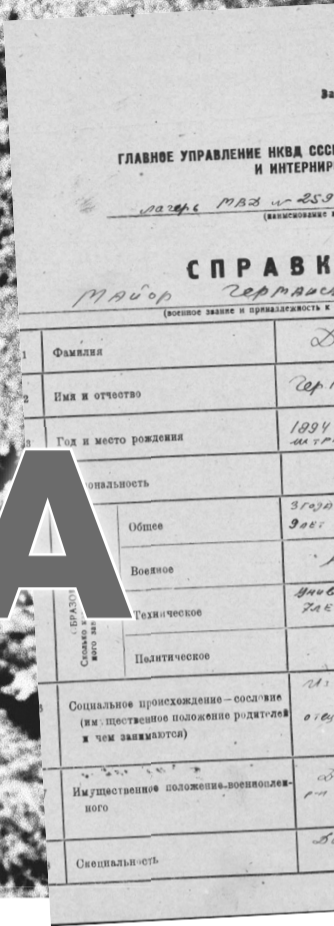
Будь это просто «примерная рабочая программа», которой школа может пользоваться, а может и не пользоваться, это было бы полбеды. Но недавно в региональные министерства просвещения поступило письмо за подписью Евгения Семченко, руководителя Департамента государственной политики и управления в сфере общего образования Минпроса, в котором им предлагается приступить к использованию примерной рабочей программы и сообщить список организаций, которые к этому использованию приступят в режиме апробации уже с 1 сентября. Очень вероятно, что чиновники на местах могут рьяно кинуться исполнять требование внедрить рабочую программу и вместо права ее использовать у школ появится такая обязанность.

Список литературы в рабочей программе возвращает нас к самому массовому учебнику Коровиных с минимальным содержанием современной литературы (два часа отводится на Жвалевского и Пастернака плюс Дашевская), в котором текстов огромное количество, и зачастую они не соответствуют возрасту. Скажем, на один урок приходится четыре лирических текста (при этом я бы предпочел взять один текст на четыре урока, потому что детям надо учить проживать лирику).

Следствием этой программы будет то, что никто не станет ничего читать, кроме краткого содержания.

**ЗА ДВА ДНЯ —
29 И 30 СЕНТЯБРЯ
1941 ГОДА —
В БАБЬЕМ ЯРУ
БЫЛО
РАССТРЕЛЯНО
34 ТЫСЯЧИ
ЕВРЕЕВ**

AP / TASS

ПОЛПРОЦЕНТА ХОЛОКОСТА

Трехглавый дракон

В оперативном пространстве нападения на СССР вермахт живо напоминал фигуру трехглавого дракона. Головы — это три группы армий: «Север», «Центр» и «Юг», нацеленные, каждая, на крупнейшие столичные города СССР — Ленинград, Москву и Киев. Так и понеслись они, плюясь пламенем и сея смерть, и, казалось, ничто их не остановит! К Ленинграду подоברались в сентябре, к Москве — в октябре, ну а Киев — Киев в сентябре уже с легкостью взяли.

Произошло это так быстро потому, что 21 августа центральная из голов — по единоличной воле фюрера, резко и на всем ходу — заложила вираж на юг, в сторону Черного моря¹, украинского урожая и вальжного Крещатика. Костяк группы армий «Центр» фон Бока оставался на московской колее, но притормозил, чтобы лучше перемолоть миллионный Брянско-Вяземский котел (одних только военнопленных — 688 тысяч!). Но две армии — 2-я танковая Гудериана и 2-я пехотная Вейса — оторвались от «Центра» и устремились на юг, чтобы стать северной клешней другого, не менее впечатляющего котла — Киевского (665 тысяч военнопленных). Южная же клешня была прочерчена группой армий «Юг» фон Рунштедта: 10 сентября у Конотопа танки Гудериана поцеловались с танками фон Клейста. Пятеро, включая Власова, красных командармов (а с командующим Пинской флотилией так и шестеро) едва унесли ноги из этого котла, где безрассудно застрянет и понапрасну погибнет — в нелепом ожидании письменного приказа Сталина — командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос, утянув за собой в могилу едва ли не весь свой штаб. Гудериан и Вейс еще успеют вернуться к средней драконовой голове аккурат к началу операции «Тайфун».

Киев был обречен и для 6-й армии генерал-фельдмаршала фон Рейхенау вовсе не был крепким орешком. Когда 19 сентября город пал, назавтра, 20-го, фон Рейхенау обратился к войскам: «Взятие Киева имеет определяющее значение. Мужество, во-

лжизм и ни с чем не сравнимая храбрость всех частей позволили нам за чрезвычайно короткое время создать здесь крепчайший оплот. Враг пережил убийственное поражение. Путь на Восток нам огненные открыт. Я благодарю пехотного генерала фон Обстфельдера², командующего этим наступлением, и его brave дивизии».

Логистика палачей

Но фельдмаршал не сомневался в «бравости» и своих карателей. А они постепенно съезжались в Киев. Еще 19 сентября прибыли 50 человек передового отряда зондеркоманды С-4а; остальные, во главе с командиром штандартенфюрером СС Блобелем, задержались на акции в Житомире (расстрел евреев) и прибыли в город только 25 сентября, одновременно со штабом всей айнзатцгруппы С (начальник бригаденфюрер СС д-р Раш). Тогда же в Киев прибыли два полицейских батальона — 45-й резервный полка «Юг» (штурмбаннфюрер СС Бессер) и 303-й (штурмбаннфюрер СС Ганнибал), а также часть штаба Высшего командира СС и полиции в Южной России «Юг» обергруппенфюрера СС Еккельча.

Подтягивались — главным образом из Житомира — и украинская вспомогательная полиция. Раньше всех — 21–23 сентября — прибыли ее передовая команда (18 человек во главе с Б. Коником; с ними прибыл и сам Андрей Мельник) и казацья сотня И. Кедюлича.

27 сентября 1941 года 454-я охранная дивизия передала киевской полевой комендатуре 100 обученных украинских полицейских из Житомира «со знанием киевской специфики» под командой капитана Дидике. 29 сентября в Киев из Житомира на подмогу были присланы еще 200 полицейских.

Главная нагрузка ложилась на зондеркоманду 4а Блобеля. Рейхенау уже приходилось обращаться к нему с просьбами. Например, решить вопрос о сотне плачущих еврейских сирот в Белой Церкви, где накануне были расстреляны их родители. Вопрос, конечно, «решили». А заодно и перешли важную для СД внутреннюю

черту — от выборочной ликвидации евреев (только мужчин!) к тотальной (всех!). Да, пожалуй, что и еще одну черту — отказались от гетто: восточнее Бердичева и позже Бердичева новых на Украине уже не открывали: в расход!

Первым начальником Киевской городской управы, то есть местным бургомистром, был Александр Петрович Оглоблин, вчерашний профессор Киевского университета и будущий Гарвардского. Из опыта смоленского бургомистра Меньшагина мы знаем, что по всем локальным вопросам, связанным с местными евреями, немцы консультировались именно с бургомистром. Так что слух, что именно Оглоблин указал немцам на Бабий Яр как на место, оптимальное для задуманной ими «эвакуации», правдоподобия не лишен.

Как и в Смоленске, деньги и ценности убитых евреев конфисковывались в пользу Рейха, их одежда частично предназначалась для нужд фольксдойчей, а частично поступала в распоряжение управы. «Трофеи» свозились в здание 38-й школы, где на первом этаже складировали продукты, на втором — белье, на третьем — верхнюю одежду, а на четвертом — шубы, часы, ювелирные изделия.

Тотчас же начались махинации с одеждой, она стала мелькать на базаре, о чем стало известно в комендатуре. Вызванный на допрос Оглоблин со страху упал в обморок и даже «прятался» в психушке, то есть чуть ли не прямо в Бабьем Яру. Но убивать его не стали, а уволить уволили. В должности бургомистра он продержался лишь месяц с небольшим.

За этот месяц он основательно сблизился с ОУН в ее мельниковском изводе³, вошел в Украинский национальный совет под председательством Микола Величковского, а главное — всячески поддерживал украинскую националистическую — искренне и шипяще антисемитскую и антирусскую — прессу: газета «Украинское слово» под редакцией Ивана Рогача и журнал «Литавры» под редакцией Олины Телиги начали выходить при нем. Его преемнику на бургомистерском посту — Владимиру Багазию — нагнетание украиноцентризма и вовсе будет стоить жизни.

Оглоблин же, по протекции коллеги-историка Константина Штеппы, ставшего ректором Киевского университета, получает в нем профессорскую должность и пост директора Музея-архива переходного

периода, для которого он собирал данные о преступлениях большевиков и т.п.

Пока СД и СС только съезжались и обустроивались, антиеврейскую инициативу перенял вермахт. Начиная с 22 сентября военные патрули (лишь позднее к этой работе подключились эсэсовцы) охотились по всему городу за мужчинами призывного возраста: забирали всех — и гражданских, и окруженцев, и беглых военнопленных, а потом среди забранных выявляли евреев и комиссаров. Схваченных бросали в тюрьмы или в дулаг (пересыльный лагерь для военнопленных) № 201, разместившийся поначалу прямо в городе, на Керосинной улице, а потом в Дарнице.

24 сентября, ровно в полдень, началась страшная многодневная «радиоигра» Кремля с взлетающими на воздух по радиосигналу из Воронежа зданиями в центре города и пылающим Крещатиком. Она явно застала немцев врасплох. Удары радиоуправляемыми минами Ф-10 были не только болезненны, но и оскорбительны⁴. Идея «переселить евреев», то есть распра-

³ Созданная в 1929 г. Организация украинских националистов (ОУН) ставила своей политической целью создание самостоятельного и единого украинского государства на всех этнически украинских (в ее понимании) землях. Из этого вытекал агрессивный настрой как против государств проживания украинцев, так и против населяющих их других народов, в т.ч. евреев. Первый руководитель ОУН, Евгений Коновалец, был убит П. Судоплатовым в мае 1938 г. Вторым в августе 1939 г. был избран Андрей Мельник, но уже в начале 1940 г. ОУН раскололась надвое — на относительно умеренную ОУН-М («мельниковцы») и на радикальную ОУН-Б («бандеровцы», от их вождя, Степана Бандеры). Уже 30 июня 1941 г. ОУН-Б провозгласила во Львове создание искомого украинского государства, чем вызвала гнев и репрессии Третьего рейха против своих сторонников. В отличие от ОУН-Б, ОУН-М видела в Германии не только тактического, но и стратегического партнера. Тем не менее «умеренность» ОУН-М и ее активность в проведении собственной национальной повестки представлялась в глазах Рейха достаточно радикальными для того, чтобы в начале 1942 г. разгромить ОУН-М, арестовать в Киеве и казнить более 600 ее активных членов, в т.ч. бургомистра В. Багазия и поэта О. Телигу.

⁴ Интересно, что в конце войны советское руководство все эти разрушения попыталось переложить на немецкие плечи.

¹ Как непотопляемый «авианосец» Крым угрожал румынской нефти, что было очень чувствительно для Рейха, не имевшего альтернативных ее источников.

² Генерал пехоты Ганс фон Обстфельдер (1896–1976) — командующий 19-м армейским корпусом. Во время оккупации — начальник киевского гарнизона.

Главное управление НКВД СССР по делам о военнопленных и интернированных
Учетное дело № 4839 Лагерь № 359 Дата прибытия в лагерь
"28" июля 1947 г.

ОПРОСНЫЙ ЛИСТ

1	Фамилия	Дидике
2	Имя	Герман
3	Отчество	Германович
4	Год рождения	1894г.
5	Место рождения	г. Эрфурт пр. Займ ул. Маршальский №7
6	Адрес до призыва (последнее место жительства перед призывом в армию)	с/п Вендельбек р-н Бремен Милден
7	Национальность	Немец
8	Родной язык	Немецкий
9	Какими еще языками владеет	Французский, латынь, греческий
10	Подданство или гражданство	Германское
11	Партийность	К.С.Д.В. с 1931г.
12	Вероисповедание (религия)	Евангелист
13	Образование: а) общее	З.г. У.ш. и. гимназия Высший кл.

Директор в банке
1931г.
Германович
призван
1932г.
Лейтенант
дивизионный врач
82
Майор
Майор

Капитан Дидике

РГВА

присыпать землей двухдневную выработку палачей — эти горы убитых и недобитых евреев на его дне: земля там буквально шевелилась.

На момент оккупации в Киеве находилось, по реалистичным оценкам, около 50 тысяч евреев из числа жителей города, не сумевших или не захотевших эвакуироваться, или беженцев (то есть без военнопленных). 29 сентября они спонтанно, не стовариваясь, разделились на несколько групп.

Первые поверили в переселение на все сто, от себя домыслив и конечную цель: Палестина. А коли так — надо оказаться в первых рядах, отчего направились они прямо к железнодорожной станции Лукьяновка, где, по их представлениям, их ждали составы. Немцы сначала даже растерялись, но потом нашлись и, отобрав у умников (было их около 10 тысяч!) весь багаж и документы, сбили в большую колонну и проводили куда надо. Расстреляли умников в этот же день или на завтра, запретив на ночь в гаражах, — неизвестно.

Вторые — и таких явное большинство — покорились немецким предписаниям и побрели к указанному перекрестку. До кладбищ их можно было провожать без риска для сопровождающих. И представьте: нашлось немало дисциплинированных мужей-христиан, понурых, но провожающих своих иудейских жен и даже детей до места общего сбора, как если бы у них в сумочках лежали путевки в санаторий.

Сам по себе дальнейший маршрут и прочая логистика известны, хотя расхождений в свидетельских показаниях

цейский батальон и украинская вспомогательная полиция, занимавшаяся еще и сортировкой вещей и их погрузкой на машины.

В первый день было расстреляно 22 тысячи евреев, а во второй — около 12 тысяч (впрочем, мы не знаем наверняка, учитывались ли при этом дети, а детей среди расстрелянных, согласно свидетельству В.Ф. Кукли, было до четверти). С 1 по 3 октября расстрелы вернулись к сценарию 27–28 сентября, их основные, но не единственные жертвы — еврей-военнопленные — учитывались (или не учитывались) по линии вермахта, за них Еккельн Гиммлеру не отчитывался. После 3 октября — и до оставления города — казни продолжались, но утратили свою массовость и, отчасти, способ убийства: в 1943 году в Яр зачастили и машины-душегубки (газаваны), всякий раз с полусотней задохнувшихся жертв.

Но даже 29 и 30 сентября убивали по-разному: есть свидетельства о пристрелянных пулеметах с противоположного склона, но чаще всего — выстрелами в затылок. Жертвы для этого должны были лечь на землю или на трупы лицом вниз. Приветствовалась поза на коленях, с головой к земле, — тогда кровь или мозги не брызгали на палачей. Уже в сумерках, согласно Дине Проничевой, наступал черед украинской полиции: они спускались вниз, светили фонариками, шли по трупам на доносившиеся стоны и пристреливали недобитых.

...Были еще и третьи — те евреи, кто оставался дома, кто не мог или не хотел идти. На таких 29 сентября буквально охотились — и немецкие полицейские из 45-го батальона (посланцы от Еккельна), и житомирские полицаи-украинцы, но в особенности — их собственные соседи. Вот уж где был интернационал! Одни любезно помогали растерявшимся или беспомощным евреям собираться, старались оказаться в их комнатах и добродушно брали «на хранение» обстановку, посуду и все-все-все, иные даже, подсадив на свою подводу, подбрасывали старичье до Бабьего Яра. Другим — самым истовым антисемитам и ширым энтузиастам — было настолько невтерпех, что, не дожидаясь ордеров от управы, они выволакивали жидовню из «своих» новых комнат, плевались в них и передразнивали («старюшка не спеша, дорешку перешля...»), били, душили, даже убивали. После чего, сияя от радости, заселялись в опустевшее жилье...

Четвертые — это те, кого прикрыли и спасли их нееврейские родственники, соседи или священники, те, кто сумел потом выправить себе правильные ксивы. На таких, разумеется, без усталости охотились, и такими — вместе с евреями-военнопленными и схваченными подпольщиками или партизанами — заполнялись расстрельные рвы или кузова газаванов: рутина для СД и айнзацкоманды 5, продолжавших ловить и — чуть ли не по расписанию (кажется, по вторникам и пятницам) — убивать врагов Рейха в течение всей оккупации.

Павел ПОЛЯН,
обозреватель «Новой»

НА МОМЕНТ ОККУПАЦИИ В КИЕВЕ НАХОДИЛОСЬ ОКОЛО 50 ТЫСЯЧ ЕВРЕЕВ, И ЗА ДВА ДНЯ УБИЛИ 34 ТЫСЯЧИ

виться с ними как можно скорей и как бы в порядке мести «за Крещатик», прямо напрашивалась!

Идея нашла понимание, поддержку и детальную разработку на ежедневных совещаниях военных друг с другом и с полицией и СС. Основное бремя «гросс-акции возмездия» должно было лечь на зондеркоманду 4а, для поддержки которой (сгон жертв, внутреннее и внешнее оцепление места казни) Еккельн, по просьбе Блобеля, выделил два полицейских батальона — 45-й и 303-й, точнее, отдельные его роты.

Жертвы: приглашение на расстрел

Первыми жертвами расстрелов в Бабьем Яру стали евреи и комиссары — гражданские, военнопленные, окруженцы, — за которыми охотились начиная с 22 сентября, а первыми палачами — чины полицейского полка «Юг». По свидетельству Л. Островского, у дулага на Керосинной было специальное отделение, заполненное исключительно евреями и комиссарами, числом около 3 тысяч человек. Его-то, по-видимому, и «освобождали» от ненужных постояльцев — параллельно тому, как пустели тюрьмы, разумеется. Заполнение же отсека новыми гостями было гарантировано сотнями тысяч советских военнопленных из Киевского котла.

В таком случае расстрелы этих контингентов, начавшись 27 сентября, продолжались 28-го, а затем — из-за массового расстрела евреев-киевлян 29–30 сентября — прервались на два дня и возобновились 1 октября еще на три дня. Каждый день из еврейского отсека дулага привозили 10–15 грузовиков с военнопленными. И скорее всего именно в их одежде и копаются немцы и украинцы на знаменитых фотографиях Хеле, сделанных 1 октября.

Свидетельства о начале расстрелов в Бабьем Яру чуть ли не с 20 сентября — это, вероятно, аберрация памяти. Плохо логистически подготовленные, а тем более спонтанные акции — это не по-немецки. Ведь даже 2000 экземпляров знаменитых настенных извещений, расклеенных 28 сентября «украинской вспомогательной милицией» по всему городу с грубоватым приглашением «всем жидам города Киева» прийти, не уклоняясь и не опаздывая, на свой расстрел 29 сентября (под уг-

розой расстрела же!) — даже их надо было где-то напечатать, что и было сделано в полевой типографии 637-й пропагандной роты вермахта:

«Все жиды города Киева и его окрестностей должны явиться в понедельник, 29 сентября 1941 года, к 8 часам утра на угол Мельниковой и Доктеривской (Дегтяревской. — П. П.) улиц (возле кладбищ).

Взять с собой документы, деньги, ценные вещи, а также теплую одежду, белье и пр.

Кто из жидов не выполнит этого распоряжения и будет найден в другом месте, будет расстрелян.

Кто из граждан проникнет в оставленные жидами квартиры и присвоит себе вещи, будет расстрелян».

На вермахт, кстати сказать, была возложена еще одна ответственная миссия — инженерная поддержка работы СС в овраге. В самом конце дня 30 сентября саперы точно подрывали склоны, чтобы

P.S. 2 октября 1941 г. в эсэсовскую «Хронику событий в СССР» был включен краткий отчет Еккельна:

Айнзацгруппа С: Местонахождение Киев. Зондеркоманда 4а во взаимодействии со штабом группы и двумя командами полицейского полка «Юг» казнила 29 и 30 сентября 1941 года 33 771 еврея.

Полпроцента Холокоста за полтора дня! Да еще ручная работа. В тот же день, 2 октября, в Киев с инспекцией прилетел Гиммлер, которому Еккельн лично доложил о результатах «гросс-акции». Вечером Еккельн организовал «товарищескую вечеринку» для ее участников, чтобы преисполненные чувства выполненного долга палачи могли немного расслабиться.

Уже после войны, когда некоторые участники этой вечеринки предстанут перед следствием и судом, можно было наблюдать за тем, как они соревновались в словесном изображении своей непричастности или внутреннего протеста против бесчеловечности своей миссии, против бескомпромиссной, но, увы, проигранной

сколько угодно. От названного перекрестка, расположенного возле Лукьяновского еврейского кладбища, евреев без охраны направляли к восточной оградке соседнего Братского воинского кладбища: там у них отбирали теплую одежду, драгоценности и документы. Затем разбивали на сотни и, уже в сопровождении немецких полицейских, гнали вдоль южной оградки воинского кладбища, прямо на двойную цепь-коридор из немцев. Попадавших в этот узкий коридор людей избивали палками, заставляя под ударами бежать к широкой площадке, упирающейся в крайний юго-восточный отрог Бабьего Яра. Здесь их, избитых и деморализованных, заставляли разуваться и раздеваться — до белья, иногда догола. У края площадки были возвышения, а между ними — узкие проходы-лазы, переходящие в тропы, ведущие на дно оврага. Там их поджидали три сменных расстрельных команды по 4 ствола каждая из состава роты войск СС, зондеркоманды 4а и 45-го полицейского батальона, распределенных по тальвегу оврага. В оцеплении стояли 303-й поли-

ими борьбы за право не участвовать в ней. По их же словам, они толком ни в чем и не участвовали: один — знай себе заряжал стволы для стрелявших, а другой — только и делал, что подносил заряженное стрелявшим. И тому подобная ложь и чушь.

А некоторым повезло больше: их причастность к Бабьему Яру даже не обнаружилась! Вот, например, Герман Дидике, капитан (впоследствии майор) из 454-й пехотной дивизии. Это он командовал куренем украинской вспомогательной полиции из Житомира, приданной карательным частям накануне расстрела. Родился он в 1894 году в Эрфурте, после Первой мировой учился в университете, знал греческий и латынь. С 1931 года — член НСДАП, до войны — служащий банка (следовател записал — директор банка). В плен его захватили красноармейцы около города Рунов в Чехии в последний день войны — 9 мая 1945 года. Освободился из плена в 1948 году или позже. Факт службы в 454-й дивизии, воевавшей на юге России, в личном деле отмечен, но то, что дивизия была не пехотной, как записано с его слов, а охранной, как и факт ее и его причастности к палачам Бабьего Яра — нет.

